

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Иногда Карлсоны возвращаются

«Автор»

2007

Незнанский Ф. Е.

Иногда Карлсоны возвращаются / Ф. Е. Незнанский — «Автор», 2007 — (Возвращение Турецкого)

Александр Турецкий вместе с агентством «Глория» и Генпрокуратурой расследует дело о гибели рекламиста Кирилла Легейдо, разбившегося на спортивном самолете. Кто причастен к его гибели: жуликоватый инспектор экологической милиции? Исполнительный директор агентства «Гаррисон Райт», которое возглавлял Легейдо? Специалист по техногенным авариям? Летчик Сергей Воронин – инструктор Кирилла, пропавший с места аварии неизвестно куда? Жена, которая не слишком горюет по ушедшему из жизни мужу? Версий много, но истинной окажется одна. Самая невероятная...

Содержание

Дело Кирилла Легейдо. Загадка погибшего летчика	6
Дело Кирилла Легейдо. «Савельева надо брать!»	9
Дело Степана Кулакова. Пропавший мальчик	12
Дело Кирилла Легейдо. Куда пропал Сергей Воронин?	17
Дело Кирилла Легейдо. Технарь на чердаке	20
Дело Кирилла Легейдо. Эксперт Величко выходит на связь	22
Дело Степана Кулакова. Компьютерное открытие	24
Личное дело Александра Турецкого. Неприятное пробуждение	27
Дело Кирилла Легейдо. Визит страшного карлсона	32
Дело Степана Кулакова. Художественный образ одиночества	35
Личное дело Александра Турецкого. Ирина Турецкая и Антон Плетнев	39
Дело Кирилла Легейдо. Сбежавший муж	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

ИНОГДА КАРЛСОНЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Дело Кирилла Легейдо. Загадка погибшего летчика

В офисе рекламного агентства «Гаррисон Райт» царит тишина. Тишина, полная солнечного света. Кабинеты пусты; здесь не идут бурные обсуждения, не носятся взад-вперед сотрудники... Да и откуда взяться сотрудникам в офисе в такое время – семь утра? Сияющее солнце ничего не значит: труженики рекламы – не крестьяне какие-нибудь, чтобы вставать с первыми лучами солнца, особенно летом. Люди творческие, наоборот, частенько засиживаются за полночь, а с утра как следует отсыпаются, и осведомленный об этой их особенности Кирилл Легейдо, покойный гендиректор рекламного агентства, бывал не слишком строг в отношении опозданий – при условии, что опоздавший принесет на хвосте ценный креатив.

Но, очевидно, не все в это летнее утро хотят подольше понежиться в постели. По крайней мере, один сотрудник «Гаррисон Райт» поднялся ни свет ни заря... Сотрудник? Издали может показаться, что эта шуплая невысокая фигурка в джинсах и расписной футболке принадлежит юноше. На самом деле перед нами креативный директор Таня Ермилова, которая просто предпочитает стиль нонконформистки и «своего парня». Джинсы, короткие стрижки, свободные рубашки, скрывающие и без того едва намеченную грудь. Косметика – исключительно такая, которая призвана не бросаться в глаза, а скрывать недостатки. А главный Танин недостаток – то, что несмотря на подростковую худощавость и быстроту в движениях, ей давно уже не шестнадцать лет. Честно признаться, ей уже и не двадцать... и не двадцать пять... Ну ладно, откровенность так откровенность: Таня вступила в свой четвертый десяток. Совсем недавно: тридцать один год – как будто бы не старость... И все-таки что-то ушло. Надежда на счастье в личной жизни, может быть? Счастье было рядом так долго: манило, притягивало, вопреки всем препятствиям, сулило радужные горизонты. И как же грубо и больно все рухнуло в один миг...

Если женщина отказалась от создания семьи, она, как правило, больше времени уделяет работе. Не этим ли объясняется столь раннее появление Тани в офисе?

Нет. Дело заключается совсем в другом. Гендиректор «Гаррисон Райт» погиб, разбившись на спортивном самолете, и смерть его до сих пор не нашла объяснения. Смерть человека, который для Тани Ермиловой был самым главным, единственным мужчиной на земле. Таня уверена, что причины гибели Кирилла стоит искать здесь, в офисе родного агентства. В компьютере, в папке, где Кирилл Легейдо хранил файлы, касающиеся рекламных проектов. Исполнительный директор Леонид Савельев уверяет, что папку нельзя открыть, потому что Кирилл никому не сообщил пароля. Но так ли он прав – или нарочно темнит? Поведение Лени, этого финансового гения и черствого, лишённого эмоций сухаря что-то в последнее время вызывает подозрения... Таня хочет проверить все самостоятельно. А это лучше сделать в то время, когда на работе никого нет, кроме нее.

А то, что пришлось встать так рано, для Тани Ермиловой проблема. Опять не выспалась: если бы не экстренная необходимость, с удовольствием придавила бы еще часика два! После смерти Кирилла ее изводит хроническое недосыпание. Вот и сегодня уже трудно сказать, спала она или нет: сколько ни глотай снотворное, результат – не полноценный сон, а тягостный обволакивающий морок, на дне которого продолжают прокручиваться одни и те же мысли. И никаких сновидений... Таня тщетно пытается заснуть по-настоящему, надеясь, что во сне увидит его – живого, остроумного, подвижного, кудрявого, с ясными пронизательными глазами. Он способен был обаять любого, он обладал сногшибательной привлекательностью, его не портила даже полнота. «Карлсон» – прозвище, которое Кирилл сам для себя выбрал и которое стало его вторым именем.

Каким надо быть чудовищем, чтобы убить веселого, доброго Карлсона?..

Таня сидит за своим компьютером в креативном отделе. В комнате темно, верхний свет не включен, только из-за двери пробивается солнечный луч. Щелкая мышью, Таня открывает

на экране компьютера папку «локальная сеть». Курсор наводится на нее... В нижнем правом углу монитора электронные часы показывают 07:30.

Таня спокойна. У нее еще есть время... Сделав паузу, она достает из сумки мобильный телефон и, быстро пощелкав кнопками на корпусе, подносит его к уху. С кем она постоянно разговаривает? Кому докладывает о каждом своем шаге? С кем спорит, объясняя истинные мотивы своих поступков? Кто это, такой отзывчивый, готов выслушивать ее в любое время суток? Об этом в агентстве «Гаррисон Райт» не знает никто, кроме самой Татьяны Ермиловой. А она и подавно никому не скажет. Эта тайна принадлежит ей и только ей...

В «локальной сети» обнаружилось несколько папок, названных именами сотрудников. Одна из папок называется «ЛЕГЕЙДО И ЛЕНЯ», еще одна – просто «ЛЕГЕЙДО». Таня наводит курсор на папку «ЛЕГЕЙДО». Возникает надпись: «введите пароль».

– Думаешь, не взломаю? – азартно спросила в мобильник Таня. – Надо быть крутым хакером, чтоб открыть эту папку, да?

Если бы кто-нибудь посторонний заглянул в помещение креативного отдела в столь ранний час, ему бы это показалось полным сумасшествием: в специально затемненной комнате, за пределами которой сияет летнее утро, молодая женщина разговаривает с пустотой, с призракoм, с тем, кого не видно... Но так подумать мог бы лишь тот, кто не имеет отношения к агентству «Гаррисон Райт». А свои давно привыкли, что Таня, что бы она ни делала, периодически ведет перед кем-то отчет. Даже сейчас, одной рукой орудуя мышью, другой прижимает к уху мобильник. Рука обхватывала его со всех сторон так плотно, что его можно было не заметить в таком положении даже при свете дня: одна антенна выдает присутствие маленького прибора. Это достижение техники было постоянным спутником креадера Ермиловой.

– Почему ты меня считаешь такой дурой? – с усмешкой продолжила она. – Ну признай, наконец: я тут умнее всех!

Говоря это, Таня набрала одной рукой какое-то слово.

– Вот и он в это не верил... Думал, я ничего не понимаю в креативе. Думал – не смогу, завалюсь...

Ее пальцы бегают по клавиатуре. Замирают... В окошке «Пароль» – много точек, заменяющих буквы.

– Я думаю, Астрид Лингдрен... Что скажешь? Или только имя? Астрид? Рискнем?

Курсор уничтожает половину точек в окошке. Таня медлит... потом нажимает «Enter». .. Директория открывается. Таня радостно подпрыгивает на стуле.

– Есс! Смотри, с первого раза! Так, открываем папку «французы»...

Она открывает директорию, подписанную «Французы – косметика До». В ней – снова несколько папок: «креатив», «продакшн», «финансы». Таня наводит курсор на папку «финансы», открывает ее. Несколько секунд понадобилось профессионалу рекламного дела, чтобы просмотреть названия файлов.

– Что и требовалось доказать... нету. Нету! – торжествующе прокричала она в трубку. – Понимаешь – я догадалась! Никто не догадался, а я уже пароль вскрыла и доказательство нашла! Он не взял с французов никакого гарантийного письма, и теперь они вправе не оплатить нам ролик, потому что мы заменили актрису, и ее никто не утверждал! Кирилл бы ему этого не простил – потому что это крах, полное разорение «Гаррисон Райт».

На вершине победы Таня замерла. Ликова-

ние ее сошло на нет – в списке писем она увидела строчку: «1 непрочитанное сообщение от krl_flight@yandex.ru»

– Ну вот... И мне письмо пришло... Думаешь, я знаю, от кого? Никто, вообще никто не знает! Эти письма всем нашим приходят!...

Таня медлит, водит курсором возле заголовка письма, не решаясь навести на него стрелку. Почему? Она знает... или предполагает с высокой степенью вероятности, что письмо

содержит очередную цитату из детской книги «Карлсон, который живет на крыше». Что в этом такого страшного? Ровным счетом ничего... если не считать, что письма начали приходить сразу после смерти Кирилла Легейдо... Это просто-напросто глупая шутка... злая шутка... Да, конечно, надо быть очень злым человеком, чтобы посылать электронные письма якобы от имени покойника! И все же сейчас, в одиночестве, в темной комнате, Тане стало беспокойно от того, что в списке писем присутствует эта зловещая строчка...

– Кто угодно может рассылать, – упавшим голосом уверяет Таня невидимого собеседника. – Эту его кличку – Карлсон – весь город знает! Хотя смотри... дата письма. Послано, когда он был жив. Почему только сейчас письма приходят?.. Все, думать потом буду, я открываю...

Таня навела курсор на письмо и щелкнула мышью. Но не сразу собралась с духом, чтобы взглянуть на экран и прочесть:

«– Здесь, боюсь, не видно, до чего я красив, – сказал он. – И что я в меру упитанный, тоже не видно, гляди! Он сунул газету Малышу под нос, но тут же рванул ее себе назад и горячо поцеловал свою фотографию, где он демонстрирует пропеллер».

Таня закрыла ладонью глаза, как ребенок, который пытается таким наивным способом спрятаться от того, что его пугает. Потом бросила взгляд на кипу бумаг, наваленных возле компьютера. Да, так и есть, сверху лежит вырезка из газеты. Заголовок статьи: «Карлсон улетел. Самый обаятельный рекламист Москвы погиб в авиакатастрофе». На одной из фотографий – улыбающийся Легейдо в костюме летчика рядом со своим спортивным самолетом. На другой – черная земля и обломки винта.

– Знаешь... я ничего не понимаю... – прошептала Таня в трубку, так тихо, что собеседнику пришлось, должно быть, внимательно прислушиваться. – Совсем ничего. Мне кажется, он где-то тут. Наблюдает. И усмехается, как всегда... Все, до связи!

Она отняла мобильный от горящего маленького уха и нажала на кнопку...

Дело Кирилла Легейдо. «Савельева надо брать!»

В кабинете Кости Меркулова собрались ведущие сотрудники агентства «Глория». Не в первый раз глориевцы помогают прокуратуре разобраться со сложным делом. Вот и теперь Костя привлек старых друзей, чтобы найти, кому выгодно было убить генерального директора «Гаррисон Райт» Кирилла Легейдо...

Убить? А точно ли это убийство? Кирилл Легейдо, летчик-любитель, разбился, войдя в пике на своем спортивном самолете. Авиакomisсия сделала однозначный вывод: ошибка пилотирования. То есть надо понимать, неопытный пилот не справился с управлением... Однако председатель авиакomisсии, неподкупный и суровый Виктор Иоганнович Петров, в личном разговоре с Меркуловым не смог умолчать, что один из экспертов сформулировал особое мнение: причиной аварии могла стать посторонняя примесь в топливе. Однако практического подтверждения этому найти уже невозможно.

Также представлялось крайне подозрительным то обстоятельство, что сразу после аварии бесследно исчез сотрудник аэродрома, инструктор Сергей Воронин. Они с Легейдо обязаны были лететь вместе, но, как было установлено сразу после падения, в самолете находился один только пилот... Прибавьте сюда инспектора экологической милиции Ярослава Кутепова, который незадолго до трагического происшествия зачастил на аэродром, пытаясь всячески добиться его закрытия; прибавьте неизвестного в бейсболке, который с непонятной целью вертелся в день аварии возле ворот и был там зафиксирован камерами слежения... Объедините все перечисленные факты, и вы поймете, что прокуратуре было очень трудно признать естественной эту смерть.

Сейчас глориевцы собрались для того, чтобы поделиться с Меркуловым новыми сведениями, которые им удалось раскопать по делу Легейдо.

– Ну, докладывайте, орлы мои! – покровительственно обратился к ним Константин Дмитриевич.

Частные сыщики менее приучены к дисциплине, чем работники милиции и прокуратуры. Даже в кабинете заместителя Генерального прокурора галдели, пересмеивались, выдвигали версии, фантастические и не очень, делились фактами...

– Птичий базар! – замотал головой Костя. – Давайте по одному. Вот хотя бы ты, Саша...

– Нет, Костя, уволь, – отказался Турецкий.

Что он мог сейчас сказать? Чем поделиться? Он всего-то и успел, что побеседовать с инспектором экологической милиции Ярославом Кутеповым и уяснить для себя, что ясноглазый защитник природы – в душе корыстная сволочь... ну, так в этом особой новости не было! А кроме того, все эти дни Турецкий вплотную общался со вдовой Легейдо, Ольгой – прекрасной блондинкой, которая не слишком скорбела по своему безвременно ушедшему, точнее, улетевшему (пардон!) супругу. Что, если женщина захотела освободиться от нелюбимого мужчины и наняла киллера, который подстроил аварию? Такое сплошь и рядом встречается! Надо ее прощупать? Надо. Он этим и занимается. Но вот доказательства – доказательств пока что никаких...

– Лучше, если от нас всех будет говорить Антон Плетнев, – Турецкий предпочел перевести стрелки на коллегу. – Честь разработки главной версии принадлежит ему.

– Какая там честь, – смутился Антон. – Меня бросили на рекламный бизнес, вот я в нем и копался. И докопался кое до чего...

Обведя аудиторию настороженным взглядом и убедившись, что никто пока не собирается его перебивать и подначивать ехидными вопросами, начал рассказывать все по порядку:

– В общем, дело такое, что в агентстве «Гаррисон Райт» у покойного гендиректора Легейдо был друг, Леня Савельев... Точнее, это Легейдо считал его своим другом. Однако

поступки этого Савельева не слишком свидетельствуют о дружбе. Скорее, о том, что он старался поиметь свою выгоду, с одной стороны, а с другой стороны, ограбить родное агентство. И кое-что ему удалось.

Антон снова взглянул – на этот раз прицельно в сторону Меркулова. Константин Дмитриевич слушал его благосклонно, и Антон приободрился.

– Факты свидетельствуют, что упомянутому Леониду Савельеву принадлежит четверть акций «Гаррисон Райт», а после смерти Легейдо он автоматически становится и.о. генерального директора. Учитывая свой финансово-юридический опыт, он явно рассчитывает получить все и свалить в другое агентство. С представителем этого, другого, сетевого агентства он вел переговоры в ресторане «Фазан» сразу после того, как Легейдо разбился на своем самолете. Из этих переговоров следует, что план перейти на работу к этому Стасу Савельев обдумывал уже давно...

– Чем можете доказать? – задал вопрос Меркулов, и Плетнев напрягся, точно студент перед взыскательным экзаменатором.

– Результаты прослушки прилагаются, – не смущаясь, уточнил он. – Я сидел в машине перед «Фазаном», слышимость прекрасная.

– Та-ак. Ну... а дальше?

– Дальше – у Савельева появилась прямая необходимость убить своего начальника. Срочная и неотложная. Случайно или намеренно – об этом, думаю, мы спросим его самого – Савельев допускает серьезный промах: он не взял гарантийное письмо у сотрудников французской фирмы, выпускающей косметику. Без этого письма французы имеют право не оплатить рекламный ролик, который уже создан «Гаррисон Райт». Агентство понесет финансовый ущерб, от которого не сможет оправиться. Как лицо, ведающее финансами, Савельев не мог об этом не знать. Эта правда вскоре выплыла бы наружу, и Легейдо... ну, мне трудно сказать, как он поступил бы с Савельевым. Но, уверен, не очень ласково. Наверняка поломал бы все его грандиозные планы. Таким образом, смерть гендиректора для Савельева выгодна со всех сторон. Невыгоден был ему живой Кирилл Легейдо.

– Каким образом обнаружили отсутствие этого письма? – Меркулов вновь проявил дотошность и въедливость.

– Здесь мне помогла сотрудница «Гаррисон Райт», которой – кровь из носу – хочется разоблачения убийцы. Она-то меня фактически на Савельева и вывела: давно за ним замечала некоторые подозрительные вещи и меня заставила убедиться в его виновности. Она в Легейдо была влюблена... ну и...

Глориевцы слушали и кивали. Одобрительно кивнул сам Меркулов.

– Что ж, по-моему, все четко, все доказательно, – подвел черту Константин Дмитриевич. – Ну что, дети мои? Будем брать Савельева?

Всеобщее радостное гудение подтвердило, что Савельева надо брать, и как можно скорее. Бодрой толпой они повалили к дверям. Задержать преступника – и никаких гвоздей!

Их остановил пронзительный зудящий звонок: это в кармане Антона Плетнева завибрировал мобильник. Одним движением извлекая эту серо-стальную изящную штучку, так не соответствующую всему могучему мускулистому плетневскому облику, Антон нажал на кнопку:

– Антон Плетнев... Да, Таня. Да, слушаю. Что? Французы? Гарантийное письмо?

Теперь уже прислушивались все.

– А когда?... А-а. Ну ладно. Раз ты считаешь... Спасибо. До свидания.

Отправив мобильник обратно в карман, Плетнев озвучил для всех присутствующих:

– Сейчас брать не стоит. Таня считает, что надо дождаться демонстрации того проклятого рекламного ролика для иностранных заказчиков. Тогда-то Савельев и раскроется во всей красе. Тогда его можно будет брать, как миленького!

– Ну раз ты так считаешь, Антон... – Костя грузно, несмотря на худобу, опустился в служебное кресло.

– Не я считаю, а креативный директор «Гаррисон Райт» Таня Ермилова. Ей видней.

– Да-а, ну и тебе тоже, я считаю, видней. Ты же у них, можно считать, прописался, разглядел всю обстановку изнутри... Тогда, дорогие мои, сегодняшний выезд отменяется. Но я предвижу, что в ожидании просмотра ролика вы бездельничать не станете. Так что проработайте-ка мне получше этого типа из экологической милиции... как его, Кулешов?.. Извините, точно-точно, Кутепов... А над пленкой из камеры слежения поработают наши компьютерщики. Там все очень мутное, но у них есть программа, позволяющая восстановить лицо так, будто человек у профессионального фотографа снимался... Необходимо выяснить: кому понадобилось ошиваться возле аэродрома в день смерти Легейдо?

Дело Степана Кулакова. Пропавший мальчик

Не стоит думать, будто агентство «Глория» не занималось ничем другим, кроме дела Легейдо. Буквально в тот самый день, когда Костя Меркулов в своем кабинете выслушивал доклад Плетнева о происходящем в агентстве «Гаррисон Райт», в «Глорию» позвонил новый заказчик. Захлебывающийся от волнения женский голос проговорил в трубку, что похищен ребенок... Одиннадцатилетний сын бизнесмена Кулакова. За него требуют выкуп... Женский голос, к концу разговора совсем упавший, попросил приехать срочно.

Для выполнения задания были выделены опытные сотрудники, старые волки сыскного дела: Филипп Кузьмич Агеев и Алексей Петрович Кротов.

– Что-то опять нас на похищение с целью выкупа бросают, – посетовал Кротов. – Помнишь, Филя, тот случай в Сочи?

– А, это когда у мэра города похитили отца и сынишку? – Филипп отлично помнил эпизод, в результате которого была разгромлена организованная преступная группировка, державшая в страхе весь Краснодарский край. – Да, крутое было дело. Поводил тогда нас за нос этот самый Зубр... Ну и мы его с носом оставили!

Садясь в служебную машину, коллеги рассмеялись...

И это был последний раз, когда они смеялись в этот день. Обстановка дома у бизнесмена Кулакова мало располагала к веселью. Все это шикарное двухуровневое жилище, казалось, ходило ходуном от взмахов широких рукавов одеяния, в которое была облачена хозяйка, которая панически бегала по комнате, не в силах оставаться на месте от волнения. «Сусанна», – представилась она, заставляя гадать о национальной принадлежности этого смугловато-бледного цвета кожи, этого маленького подбородка, этих темных губ, этих отчетливо выраженных скул... Кого-то она Кротову напоминала, вот только он не мог уловить: кого именно? Малоизвестную актрису? Фотомodelь? Может быть, редкостную экзотическую птицу?

– Как зовут вашего сына? – начал Алексей Петрович.

– Степа. Степан... – Этот безобидный вопрос едва не вызвал у женщины слезы. – Вот его фотографии, я приготовила...

Степан Кулаков? Сочетание имени и фамилии заставляло представить бородастого мужика – косую сажень в плечах. Возможно, когда-нибудь сын крупного бизнесмена таким и станет. Но сейчас со всех фотографий на Кротова и Агеева смотрел огромными глазами худенький, черноволосый, изысканно-нерусского типа, мальчик, которого скорее хотелось назвать не Степаном, а Стефаном... Или даже Стефано: уж больно на итальянца смахивает! Не нужно приглядываться, чтобы увидеть, как он похож на мать. В компании сверстников Степа держится серьезно не по годам, среди взрослых растягивает губы в принужденной улыбке, но ни одна фотография не показывает, что сын Кулакова был беззаботен и счастлив. Впрочем, может быть, он просто не любит фотографироваться?

– А это ваш муж? – Со Степаном и Сусанной на снимках постоянно фигурировал плотный мужчина с такими же, как у мальчика, широкими, густыми, сросшимися на переносице бровями.

– Да. Я ему позвонила. Он обещал приехать, но не знает, сможет или нет. У него важное совещание, переговоры, в общем, что-то такое...

– Ага, понятно. Когда пропал ваш сын?

– Сегодня. Не вернулся из студии...

– Что за студия?

– Студия изобразительных искусств. Степан любит лепить, рисовать... Сейчас в Москве много таких мест, где даже летом дети могут развивать свои способности. Я предлагала Степе путевку в летний спортивный лагерь, но он не захотел. Мы собирались всей семьей съездить

на месяц в Грецию, а в ожидании этого Степа решил остаться в Москве. У него тут были занятия...

Сусанна наконец прекратила свою беготню, но внутреннее напряжение сказывалось в том, как выкручивала она свои длинные, точно у пианистки, пальцы. Руки ухоженные, но ногти коротко стриженные, покрыты бесцветным лаком, без навязчивого показного блеска.

– Я понимаю, наверное, вы думаете, что всех богатых детей повсюду привозят и увозят телохранители на личной бронированной машине... Но у нас студия на противоположной стороне дома, в нашем дворе – очень хорошая, солидная, с давними традициями. Степан сам в нее ходит с третьего класса... Игорь был против: считал, что его сыну незачем изучать изобразительное искусство, лучше заняться математикой, экономикой. Но Степа настоял... Он очень хотел заниматься живописью... Но ведь никакой опасности... Двор у нас закрытый!

«Что закрытый, то закрытый», – мысленно подтвердил Филипп Кузьмич, памятуя, с какими трудностями они проникали в этот двор. Ну, теперь многие дома вот так отгораживаются: решетка, замок для магнитного ключа, переговорное устройство... Только вертухаев не хватает! А вертухай в подъезде сидит – спрашивает, кто да зачем, да куда...

– После студии Степа гуляет? Заходит куда-нибудь еще?

– Нет, конечно, нигде не задерживается. Не говоря уже о том, что у него всегда с собой мобильник... В общем, мы думали, это исключает возможность...

– Когда он должен был прийти из студии? – мягко, но настойчиво перебил Кротов.

– В три часа дня. Я в это время могу уделить больше внимания работе... У меня салон флористики: оформление живыми цветами помещений – ресторанов, офисов, гостиниц...

Филипп Кузьмич не удивился бы, если бы Сусанна содержала салон авангардной одежды: одета она очень смело и изысканно. И на личико – будто картинка... Так же, как и Кротову, Агееву пришла в голову мысль, что жена бизнесмена Кулакова ему кого-то напоминает.

– Ну, и что же случилось в три часа дня? – продолжал расспрашивать Кротов.

– Я пришла из салона в пятнадцать минут четвертого. Степы дома не было. Обычно в такое время наша домработница кормит его обедом. Но она сказала, что домой он не заходил. Я позвонила ему на мобильный – и тогда... – Сусанна судорожно сглотнула, как бы загоняя обратно слезы. – Это страшно. Простите... По Степиному телефону мне ответил мужской голос! Незнакомый мужчина сказал, что мой сын у них и чтобы я заглянула в почтовый ящик...

– Что в точности сказал этот мужчина?

– Не могу вспомнить. «Твой сын у нас, загляни в почтовый ящик», примерно так... Я не запомнила... вы понимаете...

Сусанна волновалась, но, кажется, о слезах больше речи не шло. Теперь она, собрав всю свою волю, пыталась помочь частным сыщикам. Она подала Кротову и Агееву письмо в надорванном конверте...

Четверть обыкновенного листа. Отпечатанные на принтере буквы:

«В обмен на жизнь сына 20.000 долларов. Ждите дальнейших указаний. В милицию не обращаться, пожалеете».

Кротов отметил неправильное написание слова «пожалеете». Что это: намеренная игра или убийца действительно плохо знаком с русской орфографией?

– Я не обратилась в милицию, – предупредила вопрос Сусанна. – Я обратилась в ваше сыскное агентство. Слышала о нем много хорошего...

– Когда в вашем доме приносят почту?

– Рано утром, а вообще-то... Я никогда не знала... Надо спросить у консьержки...

– Тогда пойдемте и спросим.

Но они не успели исполнить задуманное. В квартиру ворвался вихрь, ураган, тайфун! Тайфун оказался коренастым мужчиной средних лет с круглой лысеющей головой и кусти-

стыми, сросшимися на переносице бровями, который, не поздоровавшись с незнакомыми гостями, стал орать на Сусанну хрипловатым бранчливым голосом:

– Ну что, блин, добегалась по своим салонам? Вертихвостка! Тысячу раз было говорено: незачем тебе работать! Сидела бы дома и следила за ребенком! Что у нас, денег не хватало? Куда тебя, блин, носит? Не уследила! Кто, спрашивается, виноват?

Представителям частного охранного предприятия нередко приходилось видеть людей, которые потеряли родных и близких или находились в неведении об их судьбе. Лучше, чем кому-либо, глориявцам было известно, что в горе человек не похож на себя самого: бывает, наговорит такого, что после долго раскаивается и не верит – да неужели я мог это сказать? И все-таки неприятно было видеть, как этот мужчина, могучий, как танк, напирает, размахивая руками, на сжавшуюся хрупкую женщину. Страх исказил лицо Сусанны, глаза, и без того большие, стали огромными и засверкали, то ли от гнева, то ли от непролитых слез. В эту минуту Кротов догадался, кого она ему все время так настойчиво напоминала. Ну конечно, вылитая врубелевская «Царевна-лебедь»: очаровательный, плывущий, словно дробящийся облик, пышные, напоминающие крылья рукава...

– Погодите, погодите, Игорь Анатольевич, – остановил Агеев разбушевавшегося отца. – Очень напрасно вы предъявляете претензии вашей супруге. Похищение – дело такое, что тут никто не мог бы предотвратить. Бывает, знаете ли, семья окружит ребенка вооруженной до зубов охраной, которая не спит, не ест, в туалет не ходит, только стережет и стережет, а его из-под охраны уведут. Разные, очень разные случаи бывают!

Игорь Кулаков прислушался к голосу разума... то есть, в данном случае к голосу Агеева, и застыл: тяжело дыша, источая запах злого раздраженного пота.

– Вы кто? Милиция? А, частное сыскное агентство? Ну так ищите быстрее!

– Именно это мы и делаем, – четко, вежливо, не допускающим фамильярности тоном сказал Кротов. – Мой коллега Филипп Кузьмич сейчас спустится к консьержке и выяснит, кто и когда мог бросить письмо в почтовый ящик. А мне позвольте осмотреть комнату мальчика.

Деловой корректный тон произвел впечатление: Игорь Кулаков больше не пытался буйствовать, а позволил жене показать сыщикам все, что они просят.

Одиннадцатилетний Степан Кулаков жил с комфортом: в родительском доме ему принадлежали две немаленькие комнаты. Одна, собственно, та, что и называлась детской, предназначалась для сна и игры, вторая – для приготовления уроков. И там, и там царил неестественный для места обитания мальчишки порядок, очевидно, поддерживаемый матерью и домработницей. Алексей Петрович недовольно цокнул языком: наведение порядка могло ликвидировать улики... Но какие улики могли остаться в комнате, если ребенка, по всей видимости, похитили, когда он шел из студии домой? Никаких, по логике событий... Однако Алексей Петрович Кротов привык работать тщательно. В игрушках и книгах ничего интересного не обнаружилось. А вот рабочая комната заинтересовала Кротова наличием компьютера, оснащенного по последнему слову техники: тут тебе и джойстик, и сканер, и принтер... Рядом с принтером красовалась открытая пачка обыкновенной белой бумаги формата А4. Алексей Петрович достал один лист из пачки, тщательно рассмотрел его...

– На компьютере, кроме Степана, никто не работает?

Выяснилось, что вообще-то никто в доме больше в компьютерах не нуждается. У Сусанны весь учет ведется на работе, в принадлежащей Кулакову фирме «Нейтрон» всеми делами ведают секретари и бухгалтеры: дом для него – место отдыха. Зато для Степы компьютер с выделенной линией – и подспорье в учебе, и игрушка...

– Так, понятно, – коротко бросил Алексей Петрович, вызывая из памяти мобильного номер родного агентства. – Алло, «Глория»? Коля, это ты? Макса сюда, срочно! Нужно, чтобы он тут покопался в одном компьютере. Ну да, по делу о похищении...

Отец и мать недоверчиво поглядывали на компьютер, который вдруг показался источником смертельной опасности, как-то связанной с исчезновением сына. Возможно, этим людям, которые не слишком свободно обращались с современной техникой, пришли на ум какие-нибудь фантастические истории о виртуальной реальности, крадущей детей – в буквальном смысле слова.

Вернулся с первого этажа Филипп Кузьмич Агеев, поговоривший с консьержкой – точнее, с дежурившим в тот день консьержем. Немолодой словоохотливый мужчина, с внешне-стью полковника-отставника, подробно рассказал, что постороннему в их подъезд никак не проникнуть. Всяким распространителям печатного хлама, вроде рекламных листовок и бесплатных газет, тоже вход воспрещен. Почтальонша из местного отделения связи утром была, по обыкновению, но кроме нее – никто. Консьерж тут работает уже более двух лет, знает в лицо всех жильцов, поэтому вряд ли мимо него проскользнул бы кто-то незамеченный.

– Если только он не гипнотизер, – подмигнул болтливый старикан. – Слышал я по радио, есть такие, которые могут внушить, что его здесь нет. Вроде как невидимка получается. Войдет такой гипнотизер в квартиру, возьмет что хочешь и поминай как звали. А то бывает еще хуже: поселится, а хозяин его не видит. Только заметит иногда, что вроде еда из холодильника пропадает, или грязные следы, откуда ни возьмись, на полу, или там, к примеру, ванна мокрая...

– Это вы, наверное, радиоинсценировку слушали, – объяснил Агеев, улетучиваясь наверх. В невидимок он не верил. И уж подавно он не верил, что невидимка станет разминивать свои уникальные способности на то, чтобы проникнуть в подъезд элитного дома и подбросить в ящик неподписанный конверт с требованием выкупа. Такой невидимка мог бы запросто обчистить любой банк, вместо того чтобы связываться с чужим мальчишкой...

В квартире Кулаковых Агеева ждал Кротов. Результаты разговора с консьержем ничуть не удивили Алексея Петровича.

– Так что, трясем почтальоншу? – предложил Агеев дальнейший ход действий.

– Почтальоншу? Да нет, зачем? Почтальонша, Филя, сто пудов здесь ни при чем. Если моя догадка верна... Знаешь что, Филя, чеши-ка ты в студию, пока там еще кого-то можно застать. А я тут Макса покараулю.

Оставаясь в неведении относительно того, зачем вдруг в таком деле понадобился компьютерщик, Филипп Кузьмич снова устремился во внешний мир. А Кротов остался и продолжал допытываться у родителей:

– Вам кто-нибудь угрожал в последнее время?

– Да вроде нет, – Кулаков расценил этот вопрос как обращенный к нему. Сусанна в присутствии мужа больше отмалчивалась. «Восточная женщина приучена к покорности», – подумал Кротов, и хотя он не был сторонником исламских традиций в отношениях с женщинами, подумал, что приятно, должно быть, иметь в распоряжении такую красавицу, как Сусанна, да еще и покорную. Правда, похоже, Игорь Кулаков не понимает собственного счастья...

– Странные письма? Подозрительные звонки? – уточнил Кротов.

– Вроде бы никаких.

– Игорь Анатольевич, у вас есть враги?

– Разве только по бизнесу. Но они такими методами действовать не станут. А чтобы двадцать тысяч гринов требовать... Чего-то, по-моему, вряд ли. Потребовали бы уж тогда аннулировать кой-какие контракты, я бы сразу раскусил, откуда ветер дует.

– А может быть, заявление о двадцати тысячах долларов – только для отвода глаз? Могли ваши конкуренты похитить ребенка для того, чтобы повлиять на вас впоследствии? Заставить аннулировать те контракты, о которых вы говорите?

– Да кто их знает, – смутился Кулаков. – Это мне в голову не пришло.

– Расскажите мне немного о своем бизнесе.

Кулаков в общих чертах обрисовал происхождение – бизнеса и свое. Родился Игорь Анатольевич в провинциальном, но старинном и не таком уж маленьком городе Волжанске, там и основал в конце восьмидесятых свою фирму «Протон», связанную с производством высоко-точной аппаратуры. «Нейтрон» начал бурно развиваться в девяностые. Со временем возникло несколько филиалов фирмы – по всей стране. Кулаков переехал в Москву, где живет и трудится, причем так успешно, что собирается баллотироваться в депутаты Госдумы. О последнем обстоятельстве Игорь Анатольевич сообщил с напускной скромностью и сдержанной гордостью, – словом, как если бы он не слишком хотел во всеуслышание заявлять о своих заслугах, но что же делать, если люди не позволят промолчать...

– Гм, понятно, – пробормотал Кротов, возвращаясь к компьютеру, который, очевидно, продолжал неясным образом его беспокоить. Перебрал, едва касаясь, стопку бумаги и неожиданно спросил:

– Скажите, пожалуйста, а какие у вас отношения с сыном?

– Какие могут быть с ним отношения? – пожал плечами Кулаков. – Нормальные! Как у всех. Мы его жизни учим, он слушается... А при чем тут это?

– Между вами бывали в последнее время серьезные конфликты?

– Конфли... Да при чем тут это? У меня сына похитили, а тут... Не было у нас никаких конфликтов! Мал еще!

– Степа никогда не ссорился с Игорем, – пояснила Сусанна. – Отец все время на работе, все время занят, какие же тут ссоры!

– А как у него было с карманными деньгами? – продолжал расспрашивать Кротов.

Казалось, Кулакова сейчас хватит удар.

– Кого ты вызвала? – переключил он свое раздражение на жену. – При чем тут карманные деньги? Спрашивают всякую ерунду! Мало того, что ты ребенка не укараулила, так еще вызвала на мою голову... уродов каких-то!

В дверь позвонили – требовательно: один звонок, другой, третий... Супруги Кулаковы бросились открывать. Наверное, они подумали, что прибыли новые вести от похитителей – или что сын уже явился в отчий дом, живым и невредимым. Один Кротов предугадывал, какое зрелище сейчас им откроется, и не мог сдержать улыбку. Если на пороге окажется компьютерщик Макс, Игорь Кулаков получит полное право утверждать, что в «Глории» собрались одни уроды... Не только моральные, но и физические. Макс в душе милейший человек, но тому, кто видит его в первый раз, он покажется настоящим чудовищем...

Из региона квартиры, примыкающего к входной двери, донесся короткий изумленный вскрик, и сразу за тем голос, который Кротов распознал безошибочно.

– Макс, – громко пригласил он, – проходи сюда, работать будешь!

Дело Кирилла Легейдо. Куда пропал Сергей Воронин?

Семнадцатилетняя Варя Воронина сидела за столиком летнего кафе, не смея смотреть собеседнице в глаза и сосредоточенно ковыряя заусенец на пальце. При других обстоятельствах она могла бы сейчас чувствовать себя счастливой. Почему бы нет? Солнечный летний день, свежий ветерок доносит запах экзотических цветов – кафе находится на территории одного из прекраснейших мест Москвы, старого Ботанического сада, иначе Аптекарского огорода. Над головой – ветви деревьев, посаженных, быть может, еще во времена Петра Первого, вокруг – клумбы с цветами, поблизости, за оградой из тонких железных прутьев, шумит центральная улица. Варя одета и накрашена по-взрослому, ей можно дать все двадцать. В таком виде она успела уже очаровать молодого симпатичного официанта, который сейчас издала поглядывает на нее. Как же все это могло быть замечательно...

А Варе сейчас стыдно. Очень стыдно! Варя выглядит взрослой, но на деле, как оказалось, она сущий ребенок. И только что она повела себя, как глупый самоуверенный ребенок...

Все началось с того, что у Вари пропал отец. Исчез, не попрощавшись, оставив только странную записку. У Вариной мамы Галины Ворониной не было сомнений: удрал, негодяй, смылся с любовницей! Варе никак в это не верилось: папа – человек порядочный, он любит ее и маму... Но мать продолжала настаивать, что давно заподозрила мужа в измене: он стал холодным и равнодушным. А за месяц до его исчезновения Галина видела Сергея в этом самом кафе на проспекте Мира, вдвоем с какой-то блондинкой... Как она выглядела? Эффектная женщина лет двадцати пяти с длинными волосами, имеющая достаточно вкуса, чтобы вместо голубой одежды, этой униформы блондинок, носить темно-вишневое. Ей идет... Сорокадвухлетняя, изнуренная работой и бытом Галина, конечно, не выдерживала с этой кралей никакого сравнения. Ох уж эти мужики! Выжимают из женщин все соки, чтобы перепорхнуть к другим, еще не выжатым. Знала ведь Галина, еще когда замуж шла, что летчики – народ ненадежный, донжуанистый. Бабы от них млеют. Ее дорогой муженек долго делал вид, что не поддается искушениям, но, в конце концов, раскрылась его кобелиная сущность. И от этого Галина плачет денно и нощно...

Варе было обидно за маму, а кроме того – за себя. Она была почтительной дочерью, однако допускала, что папе надоели мамины скандалы, которые она ему постоянно закатывала, терзая ревностью. Но Варя тут при чем? Как он посмел бросить дочь? Если в жизни папы появилась другая женщина, он должен был объяснить это по-человечески и маме, и Варе. А внезапное исчезновение, записка с ее уклончивой недоговоренностью – все это нехорошо как-то... И Варя решила действовать. Найти разлучницу-блондинку, чтобы через нее в последний раз встретиться с папой. Чтобы расставить все точки над «i».

И вот, пожалуйста, ее замысел осуществился. Блондинка найдена и даже сама выразила желание побеседовать с Варей, как только узнала, что эта, налетевшая на нее вихрем девушка – дочь летчика Сергея Воронина... А точки над «i» не расставлены. Более того, если пять минут назад Варе казалось, что все предельно ясно, то теперь у нее такое чувство, что она погружается в болото неизвестности. А кроме того, что она вела себя, как идиотка. Зачем она накинулась на блондинку – прямо у здания на другой стороне проспекта Мира, где размещается много офисов; зачем при всем честном народе стала обвинять в том, что она увела Вариного отца?

Внутри Вари до сих пор звучит ее собственный надменный голос, каким она ответила на вопрос блондинки «В чем дело, девушка?»:

«Вы отлично знаете, в чем дело. В том, что некоторые люди присваивают то, что плохо лежит. А некоторые не стесняются брать чужое...»

В отличие от блондинки Варя не могла похвастаться спокойствием: от волнения ее голос срывался, она едва не заикалась. Если она мечтала одержать верх над любовницей отца, сейчас, по крайней мере, эти мечты не реализовывались.

«Девушка, я не понимаю, о чем вы говорите», – все так же вежливо и спокойно отвечала блондинка.

«Не „о чем“, а „о ком“. О моем отце! Взрослая женщина, а обманываете, как маленькая. Типа „не брала я конфету“... – вышла из себя Варя.

«Вы, наверное, ошиблись...»

«Я не ошиблась! Вы блондинка, носите вишневое, ходите вон в то кафе в парке. Месяц назад мама видела вас здесь, – настаивала Варя. – Мой отец – Сергей Воронин. Он не развелся с мамой, даже не поговорил с ней. Записку оставил – и к вам... Это нормально, как вам кажется? Это по-человечески? Жить с чужим мужем, а?»

«Я очень сочувствую вам, но вы меня с кем-то путаете. Я замужем, мы с мужем работаем в одной фирме... Хотите, пройдем к нам в офис, я вас познакомлю. Мы можем вам паспорта свои показать...»

Варя уже сама готова была признать, что ошиблась. Не такие уж это особые приметы – шикарная блондинка, длинные волосы, одевается в вишневое... Да таких в одном этом офисном здании вагон и маленькая тележка!

Однако стоило Варе, пробубнив извинения, пойти прочь, как блондинка сама бросилась ее догонять:

«Девушка! Девушка, погодите! Вашего отца зовут Сергей, да? Он... летчик, кажется? Нам надо поговорить!»

Лицо блондинки выражало такое искреннее участие, что воспоминание об этом заливаает Варины щеки краской стыда и вынуждает дергать заусенец, как бы для того, чтобы физической болью заглушить нравственную.

Блондинка совсем не сердится. Теперь, когда они сидят за одним столиком, близко, друг напротив друга, Варя заметила, что эта эффектная красотка не так молода, как показалась вначале. И еще что-то скрывается в этом красивом, добром лице... но что именно, Варя не в силах определить.

– Варя, я действительно знакома с вашим папой. Но это не то, что вы думаете. – Блондинка не оправдывается, не отводит подозрения от себя – она просто сообщает информацию. Участливо, но отстраненно, слишком отстраненно. Так не говорят о любимом... вообще о человеке, который дорог...

– А что же это? – В голосе Вари слышны отзвуки первоначальной враждебной настороженности. Обе женщины заказали по чашечке кофе, но черная жидкость бесполезно остывала в маленьких чашках: разговор, который горше кофе без сахара, отбивал аппетит... Издали за ними наблюдал официант, из которого незадолго до этого Варя выуживала сведения о графике появления блондинки в кафе. Для этого пришлось соврать, что белокурая стерва отбила у нее мужа... Ничего не подозревающий официант волновался за Варю и посылал знаки: мол, помощь не требуется? Варя исподтишка мотала головой: сама разберусь...

– Мы с ним виделись три раза в жизни, – сообщила блондинка. – Один раз – у нас в офисе, потом он просил встречаться здесь. Ему нравилось, что здесь так зелено – оазис природы в центре Москвы... Так что вы сказали о записке? Ваш папа ушел и оставил записку? Что он в ней написал?

Варе не пришлось напрягать память – слова, нацарапанные на помятом листочке в клеточку, она столько раз перечитывала, что они навсегда впечатались в мозг:

– Там было сказано... «Галя!» Мою маму зовут Галина, – уточнила девушка. – «Прости. Сейчас тебе больно, но ты поймешь меня. Я не могу поступить иначе. Поцелуй Варьку. Твой С. В.»

Варя выжидающе посмотрела на блондинку. Та нахмурилась, сдвинула брови. Сейчас ей можно было дать не меньше тридцати.

– Варя, боюсь, что... Одним словом, в записке он говорит не про меня. Вообще не про женщину.

– Ну... это мама решила, что про женщину... – смутилась Варя. Она вспомнила, что сперва тоже не поверила, будто бы в записке говорится о том, что папа ушел к другой. И только настойчивость матери, которая рассказала ей о встречах Сергея Воронина с блондинкой, заставила девушку изменить свое мнение... Но тогда что же происходит с их несчастной семьей? Где сейчас на самом деле ее папа?

– Я даже знаю, почему она так решила. – Блондинка поднесла чашечку к губам, накрашенным недешевой помадой, и безо всякого удовольствия глотнула остывшего кофе. Нервы Вари начинали сдавать:

– Ну, мне-то скажите! Что за тайны, а?

Продолжая теребить пальцы, Варя слишком сильно рванула злополучный заусенец – и готово: на мизинце образовалась продолговатая ранка, стремительно наполняющаяся кровью, как озерцо. Схватив со стола салфетку, Варя попыталась остановить кровотечение, но блондинка ей воспрепятствовала: «Как можно, здесь же все грязное!» Достав из сумочки что-то похожее на толстый белый карандаш, женщина отвернула колпачок и провела по ранке: защищало, как от йода. Потом заклеила поврежденное место пластырем. В ее действиях угадывалась профессиональная сноровка: Варя, дочь медсестры, собравшаяся поступать в медицинский институт, имела об этом представление.

– Варя, – оказав первую помощь, блондинка снова вернулась к трудному разговору, – вы совсем юная... я не хочу вас пугать... просто не имею права... Но вашему папе грозит опасность, очень серьезная.

– Да вы издеваетесь просто! – Варя с трудом удерживалась от слез.

– Нет! Варя, пожалуйста – позвоните срочно своей маме, пусть она приезжает сюда, нам надо с ней поговорить, чем скорее, тем лучше.

– Что, прямо сейчас звонить? – вынимая мобильник, с сомнением спросила Варя.

– Прямо сейчас!!!

Молоденький официант был немало удивлен поведением двух странных особ. Если бы они подрались, не поделив мужика, это бы его не поразило – и не такое видали! Но в кафе творилось что-то из ряда вон выходящее. Сначала эти двое беседовали – вроде как на нервах, но голос не повышали и не ругались. Потом официант на какое-то время выпустил их из поля зрения, отвлеченный своими прямыми обязанностями, а когда снова занял наблюдательный пункт, блондинка перевязывала девице, с которой он раньше познакомился, кровоточащий палец... «Она ее укусила! – нелогично, но убежденно подумал официант. – Вот вампирша!» После чего укушенная симпатичная девушка принялась рьяно названивать по мобильнику... Уж не вызывает ли сюда того самого перца, из-за которого заварилась вся каша? Ни хрена себе перспектива! Втроем они все кафе разнесут... Не-е, чтоб он еще хоть раз дал себя замешать в чужие любовные разборки – фиг вам! Ни за какие чаевые!

Дело Кирилла Легейдо. Технарь на чердаке

Косые лучи утреннего солнца падали сквозь чердачное окно, освещая необычную картину. Кому-то она напомнила бы «Тимура и его команду», а кому-то – другую детскую книгу... Ведь в детских книгах частенько на чердаке происходят разные интересные события. Здесь прячут таинственные предметы. Здесь собираются те, кто не хочет, чтобы об их встречах проведали другие. Ведь чердак – место особенное: здесь так удобно скрываться...

Вот и сейчас чердак одного из полузаброшенных обветшалых московских домов представляет собой подобие тайного штаба. Невысокий и тощий человек, одетый в джинсы и серую рубашку, с бейсболкой, повернутой козырьком назад, сидит на старом деревянном ящике за ноутбуком – ноутбук стоит на другом ящике, рядом лежит мобильный телефон, на его дисплее мигает слово «internet». На мониторе компьютера, медленно загружаясь, постепенно вырисовывалась фотография... «А ничего себе, падла, на морду хорош!» – проворчал себе под нос человек в бейсболке.

Многочисленные женщины, которые в разное время любили Александра Борисовича Турецкого, согласились бы с этим высказыванием – грубым по форме, но абсолютно верным по существу...

Человек открыл еще одну Интернет-страницу – там обнаружилось другое, черно-белое фото Турецкого и текст. Проглядывая служебную биографию этой крайне неприятной ему личности, человек в бейсболке недовольно кривил рот. Следак опытный! Раньше был, по крайней мере... Ну, ничего, проверим – и его опытность, и многое другое...

Совсем недавно у человека в бейсболке была полная возможность проверить. Так сказать, попробовать Турецкого на зуб. Турецкий шел мимо него вдоль тротуара. Шел расслабленно, не торопясь. Улыбаясь своим мыслям. Ничуть не проявляя бдительности. Собираясь, должно быть, хоть немного отдохнуть от бдительности – в эту душистую летнюю ночь...

А человек в бейсболке ждал. Не шевелился. Казалось, он диссоциировался, растворился в ночном воздухе, распался на смутно мельтешащее сообщество бликов и теней. Но это было не так: человек оставался целостным. И – опасным. Он не выпускал Турецкого из пристального, ледяного взгляда. Когда Турецкий приблизился, человек в кустах сделал полшага вперед. Его рука нащупала за поясом брюк пистолет, прикрытый серой летней рубашкой.

Турецкий не спеша двигался мимо...

Человек в бейсболке смотрел ему в спину. Турецкий находился в метре от него. Отличные условия для выстрела! Трудно промахнуться! Так давай же, действуй! Прозвучит выстрел – совсем негромко, по сравнению с выстрелами из ракетниц – излюбленных игрушек полоумных подростков. Из-за того, что во дворе пуляют из ракетниц, жильцы часто ругаются, а на выстрел, может быть, и внимания не обратят. Тем более, время не раннее, а день завтра будний: трудовое большинство уже сны видит вторые. Идеальные условия! Действуй!

Но он не выстрелил. Проявил осторожность! Наверное, он поступил правильно. Хотя сейчас, глядя в это уверенное, с четкими чертами, привлекательное для женщин лицо, он об этом жалел...

Пробегая глазами строчки на мониторе, человек в бейсболке, почти не глядя, быстро и точно занимался своим делом: разбирал и смазывал пистолет. Раздался звонок мобильного – простой звук, похожий на дребезжание старого дверного звонка. Человек вытащил из кармана свой второй мобильный. Посмотрев на определитель, включил связь, но продолжал молчать.

– Здравствуйте, это склад комплектующих? – спросил мужской голос. – У вас уничтожитель для бумаг есть?

– Есть, модель 25-678-джи, – привычно отозвался человек в бейсболке.

– Здравствуй, Технарь!

– Привет!

– Есть работа. Срочная. Платят хорошо.

Типичный диалог. Сколько их уже было? Жора отвечал на такие вопросы автоматически... Но вот сейчас он скажет нечто такое, что от него не ожидают услышать:

– Извини, не могу.

– Жора! Как так – не можешь? Случилось что? – Голос прозвучал до смешного заботливо. – Со здоровьем проблемы?

– Со здоровьем проблем нет, – ухмыльнулся Жора-Технарь. – И не должно быть. Правда же?

– Правда. Трудолюбивому человеку – зачем проблемы?

– И с трудолюбием проблем нет, не сомневайся. Считай – отпуск за свой счет. На себя надо поработать немного.

– Технарь, может, помочь тебе?

– Нет. Ничего серьезного. Сам справлюсь...

Это не первый отказ за последние дни. И, возможно, не последний. Таких специалистов, как Жора-Технарь, на руках носят. Холят и лелеют. Если нужно, чтобы произошел где-то взрыв газа, или у машины вдруг отказали тормоза, или еще какая-нибудь техника принесла гибель человеку, зовут Жору. Всем он нужен, везде без него не обойтись...

«Придется обходиться без меня, – улыбнулся Жора. – Технарь должен разобраться с личным делом».

Под «личным делом» он всегда подразумевал только одно. У его «личного дела» были голубые глаза, сияющая белая кожа, белокурые волосы... Нет, свои волосы у нее, он помнил, темно-русые, но как только она закончила школу, сразу перекрасилась в блондинку. Это его просто с ума свело: это ведь на самом деле был ее истинный цвет, ее детский цвет волос! В первый раз в детском саду он увидел ее именно такой – белокурой и прекрасной, точно королева из большой растрепанной книги сказок. Забылись унылые подробности окружавшей их детсадовской обстановки, он уже не помнит, какое платье и какой бантик были у той дивной девочки. Помнит только впечатление, которое изменило всю его жизнь. Всю жизнь...

Что он только ни делал, чтобы ей понравиться! Разве что на голове не стоял... Нет, вранье: как раз на голове-то Жора ради нее стоял. И по карнизу, окружающему школьное здание, ходил. И портфель исправно подносил. И цветы на праздники дарил... Ради нее, едва вышел из цыплячьего возраста, связался с уголовниками: чтобы она оценила, какой он мужественный и сильный! Не чета ровесникам! Пусть у них мускулы, а он хлипкий и тощий – зато его сила в другом... Настоящая сила, а не дурная физическая мощь.

Ничего не помогало. Он мечтал о ней, он добивался ее, а ее всегда уводили у него из-под носа. Всегда находился какой-то хмырь, который не любил белокурую красавицу-королеву из растрепанной книги сказок, не любил хотя бы на четверть так же сильно, как любил ее Жора, и тем не менее каждый раз она доставалась не Жоре, а кому-то другому! Словно красавице доставляло удовольствие издеваться над своим верным поклонником. Это превращалось в пытку, сводило с ума.

С этим надо было что-то делать. Жора не мог так дальше жить. И он разберется, уж будьте уверены! А если кому-то не поздоровится – извините!

Заглянув в последний раз в ненавистное лицо, Жора закрыл в ноутбуке одно за другим все окна с биографиями Турецкого. Взял заряженный пистолет и спрятал его за ремень брюк, под футболку. Конечно, его хлеб – техногенные аварии, но с оружием он тоже обращаться умеет. Уж будьте уверены! И кое-кто скоро в этом убедится...

Дело Кирилла Легейдо. Эксперт Величко выходит на связь

Сегодня, несмотря на летние каникулы, Вася Плетнев поднялся рано. И хотя обычно он бывал не прочь подольше поспать, сегодня вскочил как миленький, за полчаса до звонка будильника, и бросился будить папу. Как же иначе, ведь ему предстоит замечательный день! Поездка на машине – за город, на дачу! Там будет речка, где можно плавать, и зеленая травка, на которой можно загорать, и лес, куда Вася, как заправский турист, пойдет с компасом, чтобы не заблудиться... И компас, и любимая футболка с Бэтменом, и много всякого другого необходимого на природе имущества с вечера уложено в рюкзак. При виде набитого рюкзака, в который как бы заранее вместились все летние впечатления (будет о чем порассказать друзьям в школе!), Васю обуял такой восторг, что он, не сдерживаясь, закричал – громко и ликующе:

– Пап, вставай!

Антон Плетнев недовольно заворочался на своей кровати и натянул на голову простыню. Лично ему предстоящий день не сулил никаких особенных радостей. Работа, работа и еще раз работа! Эх, жизнь моя жестянка, а ну ее в болото... Вот отправит сынишку за город, и снова вести распроклятого взяточника из экологической милиции...

– Вставай, папа, – повторил Вася потише, но с прежней настойчивостью. – Сейчас тетя Катя придет, а я еще не завтракал...

Летнее солнце бьет в окна. В прихожей, в проеме открытой двери, стоит Катя. Вася возится со шнурками кроссовок. Антон дает последние наставления – крайне необходимые и весьма оригинальные:

– Смотрите, осторожнее там без меня!

Катя рассмеялась:

– Плетнев, я всегда знала, что папы за детей больше всего волнуются! Я скорость не превышаю, правила не нарушаю. Приедем – сразу позвоним.

– Катя, я ж в тебе не сомневаюсь, – смутился Плетнев. – Я так, по привычке... Василий, ты шнурки разучился завязывать?

– Нет, я умею! – недовольно опроверг предположение Вася, который перед этим пытался засунуть два конца шнурка в одну и ту же, слишком тесную для этого, дырочку.

– Тогда продемонстрируй нам умение! – поторопил его Плетнев.

Вася был обижен. Он ужасно не любил, когда ему делали замечания при посторонних, заставляли почувствовать себя неумелым, глупым, маленьким. Особенно в присутствии женщин. А кто, спрашивается, это любит?

– А почему вчера тетя Ира не зашла ко мне сказать «Спокойной ночи»? – пробурчал он себе под нос, чтобы скрыть смущение.

– Вась, ты чего фантазируешь? – недоверчиво хмыкнула Катя. – Как тетя Ира к тебе могла вчера зайти?

– Очень просто! Чай допить, выйти с кухни и зайти ко мне...

– Ты заснул мгновенно, – перебил сына Антон, бросив быстрый взгляд в сторону Кати. – Тетя Ира к тебе заглянула – ты уже спишь...

Ну вот, теперь настала очередь смущаться Плетневу-старшему! Катя – человек прямой и резкий, у нее что на уме, то и на языке. Режет правду-матку по-хирургически! А вдруг она сейчас спросит: «Антон, так значит, моя дорогая подруга Ирка засиделась у тебя вчера допоздна? Или она каждый вечер теперь приходит Васю спать укладывать? Да еще с тобой чаи гонять?» С Кати станется...

– Когда это она ко мне заглянула? – продолжал нудить Васька, который иногда, и Антону это отлично известно, бывал невыносим.

– Вот как ты лег – через пять минут! Это тебе кажется, что ты долго не засыпал. Заснул, как мышь! Пять минут – и все... Тетя Ира домой торопилась, к дяде Саше, – пояснил он больше для Кати, чем для сына.

Катя как будто бы не проявляла интереса к этому вопросу. Наклонившись, стала проверять еще раз содержимое Васиного рюкзака. Но, изучив натуру Ирининой подруги, Антон не был уверен, что Катя не ляпнет чего-нибудь такого, что вогнало бы его в краску.

Тут из комнаты раздался электронный писк и голоса сквозь помехи. Ну точно, прослушка сработала! Антон узнал голос эксперта авиационной комиссии Величко:

– Ярослав Иванович... Ярослав Иванович, здравствуйте!

– Ну все, работа началась! – вздохнул Антон. В его вздохе, откровенно говоря, чувствовалось облегчение: тема Ирининых визитов на сегодня была исчерпана.

– Давай, мы поехали! – заторопилась Катя. – Вася, прощайся и пошли, папа бандитов ловить будет!

Дело Степана Кулакова. Компьютерное открытие

Компьютерная гордость агентства «Глория», виртуоз и ветеран сетей Internet и FIDO, Макс предпочитал работать в условиях максимального комфорта. А потому он до смерти не терпел, если начальство вытаскивало его из любимого массивного кресла – единственный вид мебели, способный вынести Максону тушу. В этом кресле так приятно посиживать перед монитором, роняя на клавиатуру крошки от печенья, сухариков и прочих продуктов, которые лучше всего запивать кока-колой или другим вкусным, хотя и умопомрачительно калорийным напитком. А тут, здравствуйте вам, приказано отправляться в какой-то незнакомый, слишком чистенько прибранный дом, где волком смотрят на каждого, кто нечаянно насорил на персидские ковры... Макс нашарил было в правом переднем кармане своих необъятных штанов подходящий пакетик чипсов с беконом, но раздумал. Как-никак, он здесь представляет любимое агентство, а значит, должен производить безукоризненное впечатление.

Игорь и Сусанна Кулаковы изумленно таращились на это огромное тучное чудовище, заросшее волосами и неопрятной бородой до самых крохотных глазок и облаченное в подобие формы для колхозно-полевых работ. Карманы широченных брюк и балахонистой верхней одежды, которую весьма условно можно было принять за пиджак, выразительно оттопыривались и в них что-то похрустывало.

– Ведите, показывайте! – величественно потребовал Макс. – Где тут у нас машина?

– Машина? – Игорь Кулаков слегка вышел из ступора. – А машина, ага, это... В подземном гараже... А мы что, едем куда-нибудь?

– Да нет! – Макс не мог не поразиться бестолковости большей части рода человеческого. – Я имею в виду комп.

– Ах, компьютер! – первой сообразила Сусанна. – Пожалуйста, сюда, будьте добры... Вот... Он включается вот здесь, через удлинитель...

Макс презрительно взглянул на тетку, которая могла предположить, что он не разберется, как включается компьютер.

– Что смотрим, Алексей Петрович? – поинтересовался он. – Сеть, вирусы или что-то еще?

– Максим, ты можешь найти последние по времени документы, которые уничтожили, не сохраняя? Уточняя: этот документ распечатали...

– Запросто. – В голосе Макса прозвучало снисхождение к немолодому сыщику, который способен одолеть главаря бандитской группировки, но не знает таких элементарных вещей, в которых в нашу техническую эпоху любой школьник разбирается. – Какая версия виндов? А, «экспи», нормально. Сейчас у всех «экспишки» стоят. А я ведь еще помню версию 3.11. Трудно поверить, но факт. Эх, молодость, молодость! – Предаваясь ностальгии, Макс успел нажать на кнопку включения и ждал загрузки операционной системы. – Вот там хреново было: после выключения такие документы фиг найдешь! А в «экспи» – это мы запросто...

Сосископодобные пальцы компьютерщика забегали по клавиатуре, оставляя на чистеньких клавишах жирные пятна. Для глориевцев было в порядке вещей, что Макс оставляет такие пятна везде. Алексей Петрович не мог понять: то ли у него руки постоянно в масле от того, что он берет ими какую-нибудь еду из пакетика, то ли просто Максов избыточный жир пропотевает сквозь кожу? Но сейчас как будто Макс ничего не ел... Не дав Кротову утвердиться во втором предположении, Макс извлек из кармана надорванный пакетик чипсов и запустил туда пятерню.

– Это мы запросто, – утробно чавкал Макс, тогда как руки его ловко и быстро вызвали на экране маленький черный прямоугольник, по которому побежали белые строки. – Это мы в неудаленных поищем. В «экспи», считай, ничего и удалить-то нельзя. Для бандитов и шпиенов хреново, для нас, сыщиков, полезно...

Игорь Кулаков, кажется, обуздал свою вспыльчивость: по крайней мере, уродом Макса не обзывал, как бы он ни заслуживал такого наименования. Смысл происходящего по-прежнему оставался скрыт от бизнесмена, однако он трепетно поглядывал через плечо компьютерщика на экран, который вот-вот выдаст страшную тайну.

– Готово, – внятно произнес Макс, как раз дожевавший порцию чипсов с беконом. – Держите. Оно?

– Оно, – сдерживая торжество, подтвердил Алексей Петрович. Ну вот, он не ошибся!

Родители пропавшего мальчика прочитали на экране:

«В обмен на жизнь сына 12.000 долларов. Ждите дальнейших...».

И все та же смешная описка: «пожолеее».

– Что это значит? – Сусанна обрела дар речи. – Похитители были у нас дома? Они распечатали записку на нашем компьютере?

Ни Макс, ни Кротов ничего не ответили.

– Они... заставили его написать? – понизил голос Кулаков.

Алексей Петрович сосредоточенно рассматривал чистый лист бумаги, извлеченный из стопки возле принтера, и сравнивал его с запиской. Листок с запиской был значительно короче, но его пересекала та же характерная полоса – упаковку, видимо, помяли, когда несли... В сущности, Кротов с самого начала просек, что в картине похищения кроются какие-то неувязки, только с помощью Макса хотел получить подтверждение.

– Думаю, не совсем так. Присядьте, пожалуйста, и не волнуйтесь.

Игорь и Сусанна Кулаковы с недоумением и растущим раздражением смотрели на Алексея Петровича Кротова, который спокойно объяснял:

– В вашу квартиру похитители проникнуть никак бы не смогли. Стражи у вас в подъезде бдительные, мы с коллегами убедились: мимо консьержа и муха не пролетит. Нам пришлось показывать ему свои удостоверения, и то пропустил не сразу. Недаром вы ему платите! Консьерж уверяет, что ни один посторонний, кроме почтальона из местного отделения связи, в дом сегодня не входил. Но почтальон разносила газеты утром, когда мальчик еще был дома... В котором часу Степан ушел в студию?

– К двум, – еле слышно проговорила Сусанна, между тем как сосредоточенные глаза Кулакова наполнялись грозowymi тучами.

– Вот видите, к двум часам... Похитители не стали бы бросать в почтовый ящик требование о выкупе раньше, чем осуществят свой план. Так что вы понимаете, почтальона мы можем исключить...

Алексей Петрович сделал паузу. Бдительно взглянул на лица супругов: кажется, они начинают догадываться... И продолжил:

– Когда я увидел, что бумага, на которой напечатана записка, идентична той, которая лежит возле вашего компьютера, я подумал, что это может быть совпадение. Но наш специалист, – кивок в сторону Макса, который покончил с чипсами и перешел на сухарики «Три корочки» с холодцом, – убедительно доказал, что записка была написана и распечатана здесь, в вашей квартире. Никакой ошибки здесь нет... И какой же напрашивается вывод?

Кротов задал этот вопрос не потому, что ответ был ему неясен, а затем, чтобы родители сами произнесли то, что так нелегко выговорить ему, постороннему человеку. Потому что вслед за этим у родителей возникают другие вопросы: «Куда мы смотрели?», «Почему упустили?», «Неужели наш ребенок на это способен?» – и тому подобное. Чего доброго, начнут еще друг друга обвинять! Алексей Петрович страшно не любит присутствовать при чужих семейных сценах. Он всего лишь частный сыщик, а не психотерапевт.

– Так вы что же, – Игорь Кулаков побагровел, как раскаленный чугун, – хотите сказать, что Степан сам себя похитил?

Кротов развел руками: мол, а что же еще тут можно сказать? Ему было неловко. Макс, напротив, наблюдал за происходящим с интересом, как зритель в театре. Благо, он свою функцию – поиска записки в компьютере – выполнил, а больше от него ничего не требовалось.

– Видите ли, Игорь Анатольевич, – Алексей Петрович дипломатично попытался смягчить резкость высказывания Кулакова, – бывает, что дети совершают такие необдуманные поступки безо всяких корыстных целей. Просто чтобы попугать взрослых, разыграть... обратить на себя внимание...

Но уговорить Кулакова было не так-то легко.

– Ну и где этот паршивец? – заорал он. – Разыгрывает он нас, понимаешь! Внимания ему не хватает! Двенадцать тысяч долларов! Шею сверну!

Кротов предполагал, что Сусанна примется защищать сына. Но женщина, по-видимому, была потрясена не меньше, чем муж. Она прижала руки к груди, будто ее ударили в самое сердце.

– А ведь и правда, – тихонько сказала она, – где сейчас может быть Степа?

– Будем искать по друзьям, – предложил Алексей Петрович. – Э, кстати, – вспомнил он, – что вы там говорили о незнакомом мужском голосе? У него есть взрослые друзья?

– Нет... Я таких не знаю. – Голос у Сусанны был такой убитый, что Кротову невольно становилось жаль ее. Хотя, конечно, если в семье происходят подобные вещи, ответственность ложится на мать...

– У вас нет родственника, к которому мог бы сбежать мальчик? С которым у него особенно доверительные отношения? Может быть, дядя или двоюродный брат?

– Родственники есть, но... Ни один из них не принял бы Степана, не поставив нас в известность. А чтобы разыгрывать нас по телефону – вообразить себе нельзя!

Алексей Петрович призадумался. Ему вспомнился похожий случай, происшедший года два тому назад. Правда, там семья была среднего достатка, а денежная сумма куда скромнее... Тогда испуганным родителям тоже периодически звонил мужской голос – даже разные мужские голоса – требуя выкуп за сына-подростка. Когда четырнадцатилетнего ловкача, захотевшего на вырученные деньги съездить в Америку, изловила милиция, выяснилось, что он останавливался на улице случайных прохожих и просил сказать в трубку определенные фразы, объясняя, что «это такая шутка». Никто не насторожился, никто не заявил в милицию, все соглашались исполнить просьбу. Н-да, немало, оказывается, у нас шутников...

Но, с другой стороны, вариант с шуточками – еще не самый плохой. Хуже, если Степан скооперировался с неустановленным взрослым, которому на самом деле позарез требуются деньги. Получив с Кулакова двенадцать тысяч долларов, жулик поймет, что бизнесмен этого так не оставит и рано или поздно добьется от сына, кто подбил его на мошенничество. А значит, мальчишку-соучастника – слабое звено – в живых оставлять невыгодно. А значит...

А это значит, что «Глорию» Кулаковы все-таки пригласили не зря.

Личное дело Александра Турецкого. Неприятное пробуждение

В это утро Ирина Генриховна Турецкая проснулась с тяжелой головой. Рядом похрапывал муж; лицо у него было задумчивое и сосредоточенное, словно даже во сне он разгадывал загадку очередного преступления, а храп являлся при этом необходимым следственным методом. На потолке играли пробивающиеся из-за штор полосы солнечного света, как будто время перевалило за полдень, но Ирина знала: летнему солнцу доверять нельзя. Ночи сейчас короткие, дни длинные... Электронный будильник на тумбочке подсказывал, что до звонка, возвещающего подъем, остается около часа. Сперва Ирина попыталась еще чуток подремать, но сон, в котором она собирала на фантастическом зеленом лугу отличную темную сладкую вишню для маленького Васьки, сына Антона Плетнева, начисто испарился. А жаль – это было так замечательно,

точно в добром старом детском кино. Самое смешное, что вишня росла прямо в траве, как земляника... Ее сок пачкал босые ноги... Понаслаждавшись удивительным сновидением еще примерно пять минут, Ирина не заметила, как ее мысли постепенно перешли в другую область. Гораздо более напряженную.

О двух Плетневых – старшем и младшем – она в последнее время думала очень часто. Ну, так ведь и заглядывала к ним нередко... Мальчик-сирота, лишенный матери, Вася прямо-таки прикипел к «тете Ире», которая не отказывала ему в заботе и ласке. Что касается Антона, этот сложный, много переживший человек долго скрывал свои чувства, но во время последней их встречи, которая произошла не далее как вчера на кухне плетневской квартиры, признался, что ему трудно без Ирины. Учитывая характер Антона, не привыкшего произносить высокие слова, это было фактически признание в любви!

Но у нее – муж. Единственный и неповторимый Александр Борисович. Которому она отдала более пятнадцати лет жизни. Которого она любила так, как больше никого в мире. Которого она изучила так, как ни одного мужчину в мире. Которого не раз ловила на супружеских изменах... Вот и последний эпизод из этого ряда, который кончился совсем недавно – а может быть, еще не кончился. Турецкий пообещал Ирине, что пойдет с ней в ресторан. Она, конечно, обрадовалась, прихорошилась... И вдруг любимый муж звонит и извиняется: дескать, очень жаль, Иришка, но тут такая ситуация, нужно срочно встретиться с представителем экологической службы. Это касается дела об авиакатастрофе, в которой погиб Кирилл Легейдо... Ну, работа есть работа, за много лет супружества жена сыщика приучилась понимать, что работа для Саши – это святое. Что ж, эколог так эколог, ничего не поделаешь. Ладно, замяли, как-нибудь в другой раз пойдем, на наш век ресторанов хватит... И вот – случайно выясняется, что ни с каким экологом он не встречался. Врет? Откровенно врет! А в каких случаях врет Турецкий – за много лет супружества Ирина приучилась моментально отвечать на этот вопрос. Когда очередную бабу обрабатывает...

При других обстоятельствах Ирина, может, и не слишком переживала бы по этому поводу. Из опыта ей было известно, что любовницы приходят и уходят, а она, законная жена, остается. Не лучше ли потерпеть, переждать? Но любовь Антона Плетнева изменила мироощущение Ирины. Почему она обязана терпеть измены Турецкого? Она себя не на помойке нашла! Ей всего сорок два года, она отлично выглядит, к тому же – несмотря на то, что муж так давно не напоминал ей об этом, она красива и умна. Она еще ой как способна нравиться мужчинам. Почему единственный, кто этого не замечает, ее блудный муж?

Ирина, повернувшись на подушке, уставилась прямо в профиль спящего Турецкого. Профиль остался неподвижен и невозмутим.

«Что-то нехорошее происходит между нами в последнее время, – тихонько вздохнула Ирина. – Он мне врет, я... Я ему тоже зачем-то соврала, что была дома, а на самом деле... На самом деле была у Антона, выслушивала его признания... А когда пришел домой Саша, притворилась, будто сплю... Как же сложно все! И напряжение какое-то нагнетается, будто перед грозой. Жарко, вдали погромыхивает, скоро начнут сверкать молнии, и в кого-то еще они попадут?»

Турецкий улыбнулся. По-видимому, ему снилось что-то хорошее и светлое.

«Новую любовницу видит, – с неприязнью, которую больше не хотелось сдерживать, подумала Ирина. – При виде меня он почему-то так не улыбается!»

Отбросив простыню, Ирина села на супружеской постели, отметив, что правильно вчера перед приходом Турецкого сообразила надеть ночную рубашку, несмотря на жару. Скандальничать голышом было бы труднее. А сейчас она намеревалась именно поскандальничать. Психологическая наука, которой Ирина Генриховна посвятила немалую часть своего времени, утверждает, что скандал – не метод выяснения отношений, но... Когда доходило до перипетий собственной личной жизни, Ирина Турецкая не считалась с рекомендациями выдающихся психологов. Она не верила, будто худой мир лучше доброй ссоры. Ссора, точнее, ее худшая разновидность, скандал – оружие, которое она в многолетней любви-войне с мужем применяла часто и охотно. Особенно когда речь шла о его изменах...

Лицо спящего приобрело сладострастное выражение. До неприличия сладострастное. Прямо какой-то послеполюденный отдых фавна!

– Турецкий! – сказала Ирина голосом, не сулящим ничего хорошего.

Турецкий чмокнул губами и перевернулся на бок, обратив к жене стриженую гладь русого, с немалой уже примесью седины, затылка. Затылок, в отличие от выдающего блудные помыслы лица, выглядел таким родным и беззащитным, что градус боевого накала снизился.

– Шура, – все еще требовательно, но не так резко, произнесла Ирина.

На этот раз голос супруги пробился сквозь сонную пелену. Вздохнув что-то нечленораздельное, Александр Борисович соскочил с кровати и на автопилоте принялся натягивать трусы и брюки – он вчера лег обнаженным, в отличие от жены!

– Что, проспал? – наконец-то Турецкий смог выжать из себя внятные слова.

– Нет, Шура. – В голосе Ирины не осталось и следа предшествовавшего гнева, наоборот, он звучал мягко – подозрительно мягко. – Будильник еще не звонил. Я тебя разбудила, потому что считаю, нам надо поговорить.

Посмотрев на электронные часы, Турецкий замер на одной ноге, со штаниной в руках. Застонал. Рухнул на край кровати. Брюки так и остались не надеты.

– Какого черта, Ирка? Еще семи нет! Я лег в полтретьего ночи, устал, как собака...

Ирина собиралась запальчиво провозгласить, что сама легла не раньше, но спохватилась: ведь вчера, звоня из квартиры Плетнева на мобильник Турецкому, она сказала, что находится дома и сейчас же ложится спать! Людям, непривычным ко лжи, когда они к ней все-таки прибегают, надо постоянно следить за собой, чтобы не ляпнуть лишнего.

И тут же крохотный червячок шевельнулся в сердце: «А ведь до того, как в твоей жизни появился Антон Плетнев, тебе не приходилось врать мужу. Он тебе изменял, зато ты могла чувствовать себя во всем правой и безупречной...»

– Вот-вот, я как раз собиралась обсудить с тобой то, от чего ты так устал, – после небольшого колебания избрала беспроницательный вариант Ирина.

– А что тут обсуждать? Мою работу, на которой ни сна, ни отдыха измученной душе? – Турецкий тоже завелся. Сбросив полунадетые брюки, он шумно затопал по комнате в одних трусах, что вполне соответствовало погоде. – Вчера срочно пришлось встречаться с этим жуликоватым типом из экологической милиции...

«Не вешай мне лапшу на уши, Турецкий, не встречался ты ни с каким экологом!» Этот крик зародился и умер в груди Ирины, не вырвавшись наружу. О том, что прошлым вечером ее благоверный встречался с кем угодно, только не с типом из экологической милиции, она услышала опять-таки от Антона Плетнева, упоминать которого в данном контексте не рекомендовалось. Да-а, как же тяжела ты, ложь, в супружеских отношениях!

– Хотя бы о работе, – согласилась Ирина. – Шура, я более или менее разбираюсь в твоей работе. Сколько раз я как практикующий психолог консультировала агентство «Глория»! Видела его и с лица, и с изнанки. Работа, не спорю, напряженная. Но разве это причина для охлаждения наших отношений?

– Какое еще охлаждение? А-а, дошло наконец! Так ты устроила весь этот паноптикум потому, что я вчера из-за этого хмыря-эколога не смог повести тебя в ресторан?

– Ресторан – это пустяки, – твердо заявила Ирина, хотя и не считала, что это такие уж пустяки. – Главное – тенденция: ты в последнее время совершенно меня игнорируешь. Ты вечно отговариваешься занятостью, но на самом деле для супружеской любви много времени не надо. Достаточно улыбки, поцелуя, какого-нибудь знака внимания... А ты... Мы вроде бы не хамим друг другу, не ругаемся – просто сосуществуем рядом, как чужие.

– Да? Значит, так? Отлично, буду хамить и ругаться. Надеюсь, такой я тебе понравлюсь больше.

– Не сомневаюсь, Шура, что ты это умеешь, – Ирина попыталась улыбкой разрядить напряженность. – Но этого мало для доверия. Если супруги не умеют общаться, для них и ругань служит формой общения. Но мы-то с тобой вроде были близки? Еще не так давно... до этого дела мы с тобой постоянно разговаривали. Даже на твои служебные темы.

– Ну да, скорее, это ты разговаривала. Наши разговоры мне в последнее время напоминают лекции по психологии, в ходе которых меня потрошат, как курицу.

– Я тебе просто помогаю осознать скрытые мотивы твоих поступков. Как психолог. Что же тут страшного? Я не собираюсь никому выдавать твоих тайн. Я ведь твоя жена, и ты можешь быть со мной откровенен.

– Я и так – с тобой – откровенен, – отчеканил Турецкий.

– Так признайся мне: что такое скрывается в этом деле, из-за чего ты ко мне охладел? Я ведь все чувствую...

– Ох, какие вы, женщины, чувствительные существа! Даже непонятно, зачем ты мне постоянно звонишь и спрашиваешь, где я и чем занимаюсь. Настрой на меня радар своих чувств, и все узнаешь.

– Чувства у меня отлично работают, – увлекшись, Ирина потеряла осторожность, – но и разум пока что есть.

– На что ты намекаешь?

– Ни на что! На твоего странного эколога, который засиделся с тобой в ресторане до двух часов ночи. У него как вообще с сексуальной ориентацией?

На какой-то миг Ирине померещилось, что муж, исполняя свое обещание, начнет хамить и ругаться. Лицо Турецкого покраснело, челюсти сжались; он посмотрел на нее в упор, прищурив глаза, будто собрался пристрелить из черных отверстий зрачков. Ирина ответила взглядом, полным упрямого достоинства, непроизвольно отодвигаясь подальше. Она сжалась на кровати, Турецкий навис над ней... И вдруг!.. В их чреватое экстренными происшествиями молчание врезался истошный улюлюкающий звук – будто включили очень необычную милицейскую сирену! Ира от неожиданности вскрикнула, Саша, подскочив на месте, чертыхнулся... Самое смешное, что никто из супругов в первый момент не узнал этого звука, хотя они слышали его каждое утро, за исключением выходных. Звонил будильник, о котором увлеченные выяснением отношений Турецкие напрочь забыли...

Звонок разрядил обстановку, и в Шуре что-то изменилось. Кажется, он сумел оценить ситуацию и прийти к удачному решению.

– Я все понял, Ириша. Дело, которым занимается «Глория», действительно сложное, требует много времени. Но это, наверное, не самое главное, просто я свинья... Бессовестный свин, который совершенно не уделяет времени жене. Исправляю свою ошибку и готов повести тебя в ресторан. Назначай место и время. Командуй!

Не успела Ирина Генриховна назначить место и время, как снова в утреннюю тишину квартиры Турецких ворвался звонок. На этот раз звонил мобильник Александра Борисовича. Потратив некоторое время на то, чтобы добыть его из-под сваленной вчера кое-как одежды, Турецкий нажал на кнопку приема. Немедленно, не дав сказать «алло», из трубки его огорошили сбивчивой речью. Турецкий нахмурился:

– Антон, я не понял – чья прослушка сейчас сработала? Говори помедленнее...

– И попечальнее, ага! – кипел в трубке голос Плетнева. – Сейчас мы печально упустим подозреваемого! Турецкий, просыпайся, блин! Прослушка инспектора сработала. Эколога Ярослава...

– Так! – наконец-то дошло до Турецкого.

– Ему двое звонили. Один – постарше – нес что-то про Иоганна Себастьяна Баха.

– Ты любишь классику? Не знал...

На другом конце связи наступило краткое, но очень удивленное молчание. Как будто Антон не мог решить, вправду ли Турецкий ничего не понял или издевается над ним. Затем Плетнева прорвало:

– Саш! Проснись уже! Это явно кто-то из авиационной комиссии Иоганыча. Они договорились встретиться. Тут взятка, точно тебе говорю!

– Ну и отлично... Записать надо и заснять, – отдавал распоряжения Турецкий, потирая лоб: и вправду, что-то он несообразительный сегодня... А откуда взяться сообразительности, когда он все еще переживает, проигрывает мысленно разговор с женой? Плюс еще недосып проклятый...

Предоставив мужу общаться с сослуживцем по мобильнику, Ирина вышла в коридор. Пробуждение состоялось, пора начинать новый день. Нас утро встречает прохладой... любимая, что ж ты не рада? А вот не рада, и все тут...

– Сам понимаю, – отрезал Плетнев. – Мне его вести сейчас?

– Веди, конечно... ну, если можешь... – вяло ответил Турецкий, вытягивая шею и прислушиваясь: где Ирка, чем она там занимается? В последнее время жена как-то странно себя ведет... На кухне послышался плеск наливаемой в чайник воды. В дверном проеме мелькнул силуэт Иры. Турецкий, облегченно вздохнув, попытался снова вникнуть в то, что говорил ему Антон.

– Не мочь я не могу...

«Тоже мне стойкий оловянный солдатик!»

– Ну что ты тогда от меня хочешь? – не выдержал Турецкий. – Какая разница, кто какую линию разрабатывает?

– Тебе, кажется, есть разница. – Голос Плетнева приобрел жесткие, почти обвинительные интонации. – Ты у нас разрабатываешь одну линию – линию Ольги. И как разрабатываешь!

– Антон... – в замешательстве промямлил Саша, но Плетнев не позволил ему ничего объяснить:

– Все, командир, отбой!

Ирина, разумеется, не могла слышать, что сказал мужу Антон Плетнев. Однако при взгляде на лицо Шуры в ее сердце зашевелилось неубитое подозрение. В прежние времена у Турецкого тоже бывало похожее выражение лица, при попытке поймать его на измене. В таких случаях он, как правило, бурно возмущался. А будучи пойман с поличным, старался каким-

нибудь простым способом загладить свою вину... Турецкий, ты думаешь, ресторан способен загладить то, что ты проводишь время с другой женщиной?

Но, может, никакой другой женщины нет? И причина твоих отлучек – в самом деле работа, сложная и напряженная? Ах, Шурик-Шурик, сколько лет изучает тебя твоя жена – и до сих пор что-то в тебе остается неизвестным...

Дело Кирилла Легейдо. Визит страшного карлсона

К трем часам дня жизнь в агентстве «Гаррисон Райт» затихает: гениальные мозги рекламщиков нуждаются в поступлении свежей порции белков, жиров, а особенно углеводов. Выражаясь проще, – обеденный перерыв! Некоторое время назад агентство провело эксперимент, заключив договор с ближайшим кафе, откуда сотрудникам приносили готовые обеды: думали, что это повлечет за собой экономию сил, денег и времени. Однако эксперимент провалился, потому что кулинарные пристрастия асов рекламного творчества унификации не поддавались. Кто-то обожал китайскую кухню, кто-то не мог полноценно работать в жару без стакана пива, кто-то облюбовал поблизости кафе подешевле, кто-то вообще использовал законный час отдыха для того, чтобы поспать по окрестностям и, плотоядно облизываясь, купить с лотка исключительно жирный и вредный для здоровья чебурек с неведомо чьим мясом. Обязаловка вызывала всеобщее возмущение и подрывала творческий потенциал... Короче, теперь в пятнадцать ноль-ноль народ разбегается с рабочих мест кто куда.

Таня и Леня обосновались в креативном отделе, в креслах, за одним из низких столиком. Пили чай, заваренный в большом глиняном чайнике.

– Правда, здесь лучше, чем в любой кафешке? В обеденный перерыв – никого. И лица родные кругом, – указала Таня на шаржи на сотрудников, украшающие стену.

В креативном отделе все осталось по-прежнему: и немислимая расцветка интерьера, и приделанный к стене под самым потолком стул с табличкой «Садитесь, пожалуйста», и стол с компьютером, и проекционный экран, и белая маркерная доска. Вот только среди шаржей на ведущих сотрудников агентства выделяется портрет Кирилла Легейдо в виде Карлсона, обведенный траурной рамкой.

– Ты права... – без особого энтузиазма согласился Леня.

– Кстати о лицах... если можно так сказать... – Таня начала прощупывание противника. – Насколько я помню, Кирилл один подписывал с французами сметы...

– Правильно помнишь, – подтвердил Леня. – Я даже начало съемочного периода пропустил.

– Да, помню, в Аргентину без тебя улетели.

А почему так?

– Тань... ну, несколько проектов мы чуть не завалили... ты не думай, это не к тебе претензия.

– Ну почему не ко мне? – у Тани все-таки обиженно дрогнули губы. – Я же за креатив отвечаю...

– А я – за финансы, – твердо сказал исполнительный директор. – Короче, если б я месяц назад не бросил французов на одного Легейдо, не взялся за новые проекты и не стал нас за волосы из болота тянуть...

– Ясно, – пришла ему на помощь Таня. – Я, в общем, так и думала. Долить тебе еще?

Не дожидаясь ответа, она налила дополнительную порцию благоухающего мелиссы чая в Ленину чашку. Леня едва успел растерянно кивнуть.

– Но к сегодняшней сдаче ролика у тебя вся документация есть? – Таня не оставляла прежней темы.

– Нет, – сокрушенно покачал головой Леня. – Все у Легейдо в директории. Ты, наверное, знаешь, у нас была с ним одна общая, а одна была его, личная.

– И в общей что?

– По французам – ничего. Наверное, все в личной. Но я не знаю пароля. Может, ты знаешь?

При этом он пристально посмотрел на креативного директора. Что означал его взгляд? Подозрение? Или, хуже того, уверенность?

– Что ты! – поспешно открестилась Таня. – Нет! Он меня в финансовые дела никогда не посвящал...

«В самом деле не знает пароля – или прикидывается? Прощупывает меня? Знает, что я заходила в личную папку Кирилла? Надо быть очень осторожной... Пока он сам себя не разоблачит. А это случится совсем скоро...»

В комнату вошел арт-директор, полноватый и бородатый, компенсирующий начальственную солидность облика пристрастием к молодежному жаргону:

– Ребят, на пятьсек отвлеку! Тут вот такое дело... Тань, у тебя тут мой ящик открывается?

Таня кивнула. Арт-директор подошел к компьютеру и открыл почтовую программу. Далее он показал Лене и Тане письмо, пришедшее с адреса krl_flight@yandex.ru. В письме оказалась всего одна строка – ссылка на интернет-страницу <http://lemurlemur.livejournal.com/51665.html>

– И тебе пришло? – не то обрадовался, не то возмутился Ленья.

– Это же не письмо, – удивилась Таня.

– Верно мыслишь! – подтвердил арт-директор. – Это круче. Вот, смотрите...

Арт-директор навел курсор на ссылку, нажал на кнопку мыши. Открылась страница в Интернете. Текст с заголовком «Сергей Борисович и Карлсон».

– Сергей Борисович и... – неуверенно озвучил Ленья. – Так, кто у нас Сергей Борисович?

– Никто. Персонаж, типа, сетевой литературы. Чувак этот, – толстый арт-директорский палец уперся в экран монитора, – автор то есть, ЛемурЛемур, в Америке живет. Пишет страшилки всякие. Очень классные. И выкладывает их в сети.

– Давно выкладывает? – уточнила Таня.

– Вот эту – год назад выложил. Я тогда Легайдо показал: во, про Карлсона. И он тоже на эти страшилки подсел. Я ЛемурЛемура с института знаю. Дима его звать. Прикольный чувак.

Потрясенная Таня начала читать вслух:

«Жил-был... Как бы назвать его. Сергей Борисович. Дальше он нарисует сам, под звуки имени. Это старик, похожий на большую птицу или сломанный зонтик. Пижама в рябой коричневый цветочек, красные слезящиеся глаза, большой горбатый нос, как у Гессе, и длинные седые волосы, все желтые от сигаретного дыма.

Но он уже и не помнил, когда курил последний раз. И кем он был до того. И сколько он уже здесь. Днем он видел окно, белую стену, по которой ползла решетчатая тень рамы, и капельницу. Еще он мог видеть свою руку в пижамном рукаве – желтую и высохшую, всю в старческих пятнах. В полдень, когда боль становилась нестерпимой, Сергею Борисовичу кололи лекарство. Через какое-то время боль становилась тупой, но ей на смену приходило то, что он мысленно называл «горками» – чувство обрывающейся тошноты, когда, закрыв глаза, будто летишь вниз, вниз, вниз. А вечером открывали окно и проветривали палату, и Сергей Борисович, открыв глаза, видел, как красное солнце просвечивает капельницу насквозь.

Но этим вечером солнца не было, свет кто-то загородил.

Сергей Борисович открыл глаза и увидел, что в окне сидит большой карлсон.

Карлсон сидел и смотрел на улицу, Сергей Борисович видел его коническую голову, прямой затылок, весь заросший рыжей звериной шерстью, и торчащий из грязной брезентовой спины ржавый винт с погнутыми лопастями. Мощными четырехпальцами лапами карлсон упирался в подоконник; короткие пальцы с квадратными ногтями были все перемазаны мазутом. От карлсона пахло кабаном, соляжкой и сапожной ваксой.

– Карлсон», – сказал Сергей Борисович и сам удивился – его голос прозвучал как тихий свист. – Карлсон, когда я умру?»...

– Похоже, – хмыкнул Ленья, – тут Карлсон – вроде ангела смерти.

– Заметьте, не Карлсон, а карлсон – везде с маленькой буквы. То есть что-то вроде того, что их, карлсонов, много? – не могла не удивиться Таня.

– Ага, это такой биологический вид сверхъестественных существ. Новейшей генерации. Раньше чаще встречались, типа, домовые, водяные, лешие, инкубы и суккубы там всякие, а в наше время, здрасьте я ваша тетя, карлсоны развелись! Киборги, блин, смесь Пантагрюэля с вертолетом, – арт-директор, по обыкновению, прикалывался, но голос его звучал неподходяще для веселых шуток. – Так, что тут у нас дальше? *«Карлсон, оставаясь неподвижным, медленно повернул голову – голова у него вращалась, как у совы или куклы – и посмотрел на Сергея Борисовича безо всякого выражения. Глазки у карлсона были маленькими и мутными – роговица отслаивалась. Редкие железные зубы торчали из полукрытого рта.*

«Хр» – сказал карлсон. «Хр. Хр. Х-rrrrrrrr».

И с его отвисшей нижней губы потекла слюна».

«Карлсон перевалился через подоконник в комнату, – нарочно пропустив несколько строк с особенно мрачными описаниями навесившего больничную палату персонажа, подхватила Таня, – но не упал, а завис в воздухе. Потом карлсон подлетел к Сергею Борисовичу, схватил его за волосы, сдернул с кровати, протащил вдоль комнаты, повалив ненужную уже стойку с капельницей, и прыгнул за окно, в апрель.

Сергея Борисовича обдало теплым воздухом и вечерним мотоциклетным дымом, они все падали и падали вниз, и Сергей Борисович подумал – «Горка». Они почти касались верхушек деревьев, когда падение замедлилось. Высохший Сергей Борисович был легок как мумия, и карлсон полетел, понес его над верхушками больничных тополей» ... Не могу я больше это читать!

Отвернувшись от коллег, она вскочила и быстро вышла из комнаты. Недопитая чашка чая с мелиссой осталась на столе.

– Что Кирюха этим сказать мне хотел? – развел пухлыми руками арт-директор. – Не пойму я...

Дело Степана Кулакова. Художественный образ одиночества

Студия изобразительных искусств, которую посещал пропавший мальчик, размещалась на другой стороне обширного, чуть ли не в целый квартал, двора, в полуподвале кирпичного дома. Найти это место оказалось легко: входное отверстие, предварявшее ведущую вниз короткую лесенку, было оформлено, точно ворота сказочного дворца. Башенка, увенчанная многолучевой синей звездочкой, слева и справа – окна, откуда выглядывают люди в старинных одеждах, из земли поднимаются гигантские тюльпаны, фиалки и ромашки на толстых стеблях... Все это выполнено в красках, которые применяются для граффити. Празднично, колоритно, броско. Особенно эта роспись должна радовать глаз посреди безнадежной длинной московской зимы, когда вокруг все так тускло и уныло...

«Если это сделали ученики студии, – подумал Филипп Кузьмич, – не зря они тут занимаются».

Железная дверь несла на себе роспись на темы «Буратино»: сверху – очаг с желто-красными языками пламени, откуда торчат черные поленья, внизу – сам деревянный человечек с золотым ключиком. Посередине – табличка: студия... часы работы... Не приглядываясь, Агеев подергал ручку. Дверь не открылась.

«Вот беда, – подумал Филипп Кузьмич, – опоздал-таки. Занятия окончились, ученики разошлись».

Следуя профессиональному навыку не оставлять без внимания даже самую мелкую мелочь, Агеев присмотрелся к табличке. И здесь его ожидал сюрприз: ну и ну, оказывается, согласно расписанию, по четвергам в студии вообще не бывает занятий! Значит, Степан обманул родителей...

Как давно он их обманывал? И где, скажите на милость, он в это время пропадал?

Поднявшись по ступенькам, Филипп Кузьмич связался с Кротовым. Последовал непродолжительный, но интенсивный обмен мнениями. Закончился он тем, что Алексей Петрович попросил товарища по работе подождать пару минут, пока он перезвонит ему. И Агеев принялся топтаться возле стены, рассматривая подробности настенных росписей. Бабушка, которая вела мимо за руку розово-кружевную внучку, послала в агеевскую сторону подозрительный взгляд.

«Ну вот, – подумал Агеев, – со стороны я – вылитый маньяк. Скажут, ходит здесь, детишек из студии подкарауливает...»

Тем временем в квартире Кулаковых творился ад кромешный. Сам Кулаков устал сердиться и впал в подавленно-злобное состояние, то и дело испуская незаконченные ругательства в адрес сына и прихлебывая из пластмассовой бутылки минеральную воду. Сусанна, как безвольная кукла, осела на диван. Каждое новое открытие сыновней лжи ее буквально добивало. Кротову казалось странным, как она еще жива.

– Ты что, не знала, что они не занимаются по четвергам? – Оказывается, Кулаков совсем не устал: он просто копил силы для новой вспышки гнева. – Тебе что, лень было проверить, где и когда бывает твой маленький говнюк? Тут всего лишь двор перейти – тебе и это лень было? Закопалась в своей флористике?

Сусанна подняла голову, глаза у нее сверкнули. Ей явно не нравилось, когда семейное белье перетряхивалось при посторонних... При одном постороннем, так как Макс благополучно отбыл в агентство, дожевывая свой походный запас сухариков. И хотя Кротов старался быть предельно деликатным, он не мог не видеть, что его присутствие усиливает Сусаннину боль.

Что касается Кулакова, уж он-то посторонних не стеснялся. Похоже, он вообще не знал, как стесняются. Это был «новый русский» первоначального, в наше время устарелого типа. Значительную часть таких героев зари дикого российского капитализма отстреляли конкуренты, а те, кто остались в живых, постарались улучшить свои манеры. Вероятно, с деловыми партнерами Игорь Анатольевич разговаривал вежливо, зато дома возвращался в исходное дикое состояние, словно надевал неопрятный поношенный халат.

«Странное дело, – размышлял Алексей Петрович, – вроде бы приличный человек, получил экономическое образование. В криминале не замешан. Насколько известно, не сидел... Даже в депутаты собирается баллотироваться! А вот тем не менее что-то уголовное в нем есть. Что-то есть...»

– Конечно, я ходила в студию, – размеренным голосом, из последних сил стараясь держать себя в руках, объяснила Сусанна. – Конечно, я видела расписание. Но Степа сказал, что летом расписание иногда меняется: в один день Виктория Владимировна прийти не может, зато в другой просит наверстать. Не стала бы я его контролировать каждый раз! Я привыкла доверять своему сыну...

– Виктория Владимировна – это его учительница в изостудии? – уточнил Алексей Петрович.

– Руководительница студии...

– Не могли бы вы позвонить ей? Прямо сейчас?

Мобильный телефон Виктории Владимировны был отключен. Зато она отозвалась по домашнему. Художница Виктория Ганина, подрабатывавшая занятиями с детьми, сейчас уделяла много времени собственной картине, которую готовила для международной выставки. Она была поражена тем, что с одним из ее учеников случилось несчастье. Да, конечно, если надо, она поможет. Она живет в подъезде рядом со студией...

– Сотрудник частного сыскного агентства поднимется к вам, Виктория. Вы не возражаете? – сказал Алексей Петрович, взяв из рук Сусанны трубку. Руки у Сусанны были влажными и холодными.

Виктория не возражала. Голос у нее оказался совсем девчоночий...

Возможно, она выведет Агеева на друзей Степана, у которых он мог укрыться.

Виктория Владимировна Ганина? У Агеева была когда-то соседка по имени Виктория Владимировна, и, поднимаясь на шестой этаж, он против воли представлял, что к нему сейчас выйдет длинная тощая ведьма в седых кудельках и со здоровенным горбатым носом, похожая на престарелого барона Мюнхгаузена. Но художница Ганина, с ходу предложившая называть себя просто Викой, оказалась совсем другой. Дверь Агееву открыла среднего роста, крепко сбитая, но не толстая девушка в джинсах и застегнутой на три верхние пуговицы цветастой рубашке, обнажающей пухленький, очень интимный животик. Художница, видимо, предпочитала дома ходить босиком, и ступни ног у нее были красивые, продолговатые и загорелые. Единственное сходство с бывшей соседкой заключалось в кудрявых волосах, но у Вики они были повязаны пестрой банданой. Все это – и одежда, и девушка – было как будто очень простеньким, но таким, что глаз не отвести. И Филипп Кузьмич подумал, что если Викины картины похожи на свою создательницу, он бы на них с удовольствием любовался.

Квартира, хотя и однокомнатная, показалась очень светлой и просторной – может быть, за счет того, что повсюду были открыты окна, развевались белые занавески и гуляли сквозняки.

– Запах краски выдувает, – объяснила Вика.

– А я как раз люблю свежий воздух, – сгалантничал Агеев.

Картину, предназначенную для международной выставки, Филиппу Кузьмичу так и не довелось посмотреть: оправдавшись беспорядком в комнате, художница проводила гостя на кухню. Там, примостившись рядом с ним на конструкции из спаренных диванов – то, что у

нас называют «уголок» – долго и бдительно рассматривала удостоверение сотрудника частного охранного предприятия. Свела в одну темную черту густые брови:

– Значит, это правда... То, что Степан пропал...

– Не пропал, а похищен, – констатировал Агеев. – За него требуют выкуп: двадцать тысяч долларов. Правда, есть особые данные: Степан мог похитить себя сам.

– Как это – сам?

– Ну попросту сбежал от мамы с папой и оставил записку с требованием выкупа.

Резким движением Вика заправила под бандану выбившиеся на лоб волосы:

– Это на него не похоже! Я его давно знаю – он честный. Правда... одинокий.

– Что значит «одинокий»? У него не было друзей?

– Друзья у него как раз были. По крайней мере, приятели. В нашей студии. Не в этом дело. Он... внутри себя какой-то одинокий был, понимаете? Неприкаянный. На его рисунках никогда не было солнца. И рисовал он всегда что-то единичное, отдельно взятое: или маленький кораблик среди огромного моря, или крохотный самолет в небе среди облаков, или мухомор, который вырос на краю большой зеленой поляны. А когда я давала своим студийцам задание нарисовать свою семью, Степан нарисовал автопортрет. И такой необычный, в зеленых тонах. Ему плохо удаются лица, но случайно или нарочно, он получился на этом портрете старше лет на двадцать. Странно для его возраста...

– А с кем он общался в студии? Назовите их имена, адреса. – Автопортрет – это все лирика, а Филиппа Кузьмича волновали конкретные факты. – Есть среди них такие, у кого Степан мог бы скрываться?

– Не знаю. Не думаю. Как бы они могли его скрыть у себя дома? Они ведь сами еще дети, у них родители... Разве что где-то есть убежище, о котором знают только они.

– Убежище? Вика, о чем это вы?

– Ну, знаете, как в детских книжках... или как раньше было... Потайное место для детских игр. Какой-нибудь заброшенный подвал, или пещера, или вход в подземный тоннель...

– Трудновато отыскать в современной Москве что-то похожее. У нас каждый подвал теперь запирается на кодовый замок.

– Трудновато, – согласилась Вика. – Особенно в нашем районе. Особенно когда взрослые все время стоят над душой – и правильно делают, вы же знаете, какие сейчас опасные времена! – Тугие щеки художницы покраснели: она с опозданием сообразила, что этот посетитель сидит сейчас у нее на кухне именно потому, что времена нынче опасные. – Но дети есть дети. Шустрые маленькие человечки. Бывает, такое отыщут, что взрослому и в голову не придет.

«А она – фантазерка», – подумал Филипп Кузьмич. Однако версию убежища решил не отбрасывать.

Вика стремительно вскочила и, шлепая по линолеуму босыми подошвами, сбежала в комнату. Вернулась, неся небольшую штуковину в черной кожаной оболочке – похоже на мобильник, только побольше.

– Все адреса и телефоны держу в карманном компьютере, – объяснила она, отщелкивая блестящую кнопку и быстро тыкая в маленький экран черной палочкой. – Так, сейчас подумаю, кто бы мог помогать Степе... может, Фома? Или Емеля? Или Дуня? Или Наум? Или Елифан?

Филипп Кузьмич нередко в молодости испытывал смущение из-за своего необычного, как тогда представлялось, имени. Однако сейчас даже он обалдел:

– А Феофилакты у вас нет? Вы что, детей с нормальными именами в студию не берете?

– Ничего не поделать, такое поколение! Мода на старину... Лично мне даже нравится. Хоть какое-то разнообразие. А что такое, спрашивается, нормальные имена? Разве это нормально, если, куда ни плюнь, кругом одни Саши, Алеша, Андрюши, Сережи?

Адреса и телефоны Феофилактов... то есть студийских друзей Степана Кулакова Агеев собрал со всей тщательностью. То, что хоть один из этих маленьких наблюдательных художни-

ков мог что-то знать об исчезновении товарища, казалось более чем вероятным. А вдруг, если постараться, мальчика удастся найти еще до конца суток?

Был и еще один важный момент, который Филипп Кузьмич не мог проигнорировать:

– Степан часто пропускал занятия? Особенно в последнее время?

– В течение последнего месяца – да, пришел всего один раз. Но я не веду отчет о посещаемости. И, в конце концов, сейчас лето... Одни дети уезжают, другие возвращаются. В любом случае, я занимаюсь со всеми, кто хочет заниматься.

– Он как-нибудь объяснил свои пропуски?

– Да. Он сказал, что уезжал за город вместе с папой. Что теперь папа меньше работает и чаще его возит то за город, то в аквапарк... Я ничего не сказала, но обрадовалась. Подумала: наконец-то у Степы налаживаются отношения с отцом!

– А у них были плохие отношения?

– Поймите, я об этом ничего не знаю, – как будто испугалась Вика, – я никогда не выпрашиваю у своих детей то, чего они мне не хотят говорить... – Она называет их «мои дети», отметил Агеев. И у нее это выходит в самом деле по-родственному. – Но я не раз замечала, что у детей богатых родителей есть что-то такое... Может быть, тоска. Может быть, то, что педагоги называют «депривация» – как будто они растут в детдоме! Родители в материальном плане дают им все, даже больше, чем детям надо, но это зачастую ценой утраты элементарного: детско-родительских чувств. Дети богатых растут в какой-то искусственной среде, созданной исключительно для них, поэтому, попадая во внешний мир, теряются. Не знают того, что знают даже дошкольники, выросшие в малообеспеченных или среднего достатка семьях. Не понимают каких-то норм, правил поведения. Они или дичатся взрослых, или вешаются им на шею. Вроде бы недоверчивы, но могут быть, наоборот, слишком... Слишком доверчивыми.

Вика подняла на Филиппа Кузьмича взволнованные карие глаза:

– Поэтому... вот вы сказали о Степане, а мне это как удар в сердце. Где он может быть? Что с ним? Он ведь в чем-то слишком умный, не по годам, а в чем-то – совсем глупый мальчик.

Личное дело Александра Турецкого. Ирина Турецкая и Антон Плетнев

Антон Плетнев сознался самому себе, что был несдержан. Что не следовало ему так откровенно намекать другу и непосредственному начальнику на увлечение блондинкой вдовой, в которой, несмотря на ее красоту, чувствуется какое-то склизкое и опасное двойное дно... Но он просто не мог терпеть дольше! Стоило ему представить Ирину, которая переживает и, наверное, льет слезы в одиночестве, думая, где и с кем сейчас ее Саша, он не мог сдерживаться. Откровенно говоря, просто не хотел...

Нет, он ни на что не претендует. Ирина Турецкая для него – это святыня. Человек опасной профессии, Антон Плетнев привык относиться к женщинам снисходительно, как к существам, которые слабее мужчин физически и вообще во многом уступают представителям господствующего на земле пола. Когда женщина в чем-то его превосходила, это вызывало у Антона подспудное раздражение... Но только не в данном случае! Ирина Генриховна, талантливый психолог и обаятельная, тонко чувствующая женщина, сотворила чудо. Она решительно взялась за Антона, когда он был опустившейся грязной развалиной, которую не узнавали старые армейские друзья. Она аккуратно вскрыла своими научными, хотя и отчасти напоминающими колдовство, методами его заросшую паутиной черепушку, вытащила и разложила по полочкам ее содержимое. И смерть жены, и старые травмирующие воспоминания о боевом опыте, и совсем давние, забытые, казалось бы, навек детские впечатления – весь этот хлам, копившийся в подвале бессознательного, как оказалось, мешал Антону жить. Умелые чуткие руки Ирины Генриховны извлекли все это на белый свет, протерли от пыли, расставили на полках – и то, что давило и пугало, превратилось в благопристойные чистенькие воспоминания. По завершении последнего сеанса Антон, облегченно вздохнув, почувствовал, что свободен. Что он снова возродился для жизни...

...И для любви.

Любви, в первую очередь, к работе. Как оказалось, за время своей тяжелой депрессии Плетнев не утратил прежних навыков, которые пришлось как нельзя более ко двору в агентстве «Глория». Кроме того, Антон заново открыл для себя любовь к сыну, – бедный Вася так намутился, пока его непутевый папка сходил с ума от тоски по маме! Но, помимо всего перечисленного, оставался еще один недоучтенный запас любви, и он предназначался женщине, которая рано или поздно займет для него место покойной жены. По крайней мере, способна занять... С Ириной они все это очень подробно обсуждали на одном из сеансов: что жизнь продолжается; что человек может любить не один раз в жизни, и это не является предательством мертвых; что покойная жена сама не захотела бы, чтобы Антон в память о ней остался одиноким навсегда. Антон обсуждал все эти вопросы, а сам наслаждался голосом своей премудрой психологини. Замечательный у нее голос. Хорошо поставленный, глубокий, женственный...

...И не только голос. Разве Ирина не красавица? Антон не понимает, почему слово «красота» у современных мужчин связывается с обликом ходячих резиновых кукол Барби, таких как Ольга Легейдо, или сопливых десятиклассниц, главные достоинства которых – гладкая, без единой морщинки, кожа и наивные, широко распахнутые, но и пустые глаза. Антона сильнее привлекает такая внешность, как у Ирины. В ней чувствуется ум и обаяние. Конечно, эти достоинства – для ценителя. Большинство нетребовательных мужчин клюют на кукол...

Антон высоко ставил Турецкого, – отчасти еще и за счет его жены. Думал: каким же необыкновенным человеком надо быть, чтобы столько лет удерживать при себе и не разочаровывать такую женщину! Но последние события показали, что Антон обманывал сам себя: не такой уж Сашка Турецкий необыкновенный. Профессионал он, спора нет, отличный, а в

остальном... Заурядный мужик в припадке второй молодости, который пренебрегает своей женой ради очередной куклы – Ольги. Если это не так, почему Турецкий соврал жене, что встречался с экологом? Если скрывает, значит, есть что скрывать!

Антону жутко неловко от того, что он ляпнул тогда, наедине с Ириной: мол, Саша с экологом сегодня уже встречался и договорился, что какое-то время его трогать не будет... А вспоминая о вырвавшемся признании, что ему трудно без Ирины, Антон готов колотить себя кулаками по своей глупой башке: это же надо было себе так подгадить! Раньше он мог, по крайней мере, любоваться заглядывающей в его холостяцкую квартиру Ириной, пить с ней чай на грязноватой кухне, наблюдать, как она возится с Васькой... А теперь, пожалуй, она совсем перестанет к нему ходить, и он лишится даже этих невинных радостей.

Все так выходит, будто он нарочно пытается разрушить семью Турецких в своих интересах... А ведь это не так! Он не строит иллюзий: Ирина его не любит. А если так, ему от нее ничего не надо. Ему надо, чтобы она была счастлива. А если Сашка делает ее несчастной, Антон на него злится. Вот злится, и все. И ему плевать, ревность это, работа подсознания или еще что-нибудь.

Дело Кирилла Легейдо. Сбежавший муж

Этот бесконечно долгий, изнурительный день напоминал Галине Ворониной бег с препятствиями.

Нет, утро не сулило никаких неожиданностей: как всегда, Галина встала в половине седьмого, чтобы к восьми быть на работе, в физиотерапевтическом отделении крупной больницы. Ставя на плиту чайник, она прислушивалась: как там Варька, не проснулась ли? Никаких звуков из комнаты дочери не доносилось, и Галина постаралась передвигаться тише: пусть бедный ребенок подольше поспит. На носу вступительные экзамены, а кроме того, Варю подкосила история с отцом... Нет, ну это же надо, каков подлец! У девочки такой сложный возраст, а он не смог выбрать другого момента, чтобы проявить свой природный кобелизм... Галина училась обозначать нейтральным местоимением «он» того, кого в недавнем прошлом назвала бы Сергеем, Сережей. Распространенное имя, очень распространенное, и Галина вздрагивала, когда слышала его на улице, в транспорте или на работе. В первые дни от таких совпадений тянуло в слезы, но теперь Галина овладела собой. Хватит рыдать, хватит впадать в отчаяние. Мало ли на свете женщин, у которых были мужья, а теперь нет? Не она первая, не она последняя.

А может, он все-таки вернется? Нагуляется и вернется? Под крылышко к жене, к ее полезным домашним супам, к ее обвисшему и одрябшему, зато всегда покорному телу... Нет, это вряд ли. В течение последнего года Галина чувствовала, как нарастает между ними охлаждение. Не помогала ни импортная косметика, ни эротическое белье, которое она впервые в жизни надела, пытаясь вернуть мужу утраченный пыл.

«Что с тобой?» – спрашивала мужа Галина, устав от всех этих недомолвок и тщетных усилий. Как милосердного удара, добивающего смертельно раненное животное, она ждала, что Сережа скажет: «Галя, прости, мы прожили с тобой не худшие двадцать лет, но жизнь не стоит на месте, и я полюбил другую...» Скажи он так, Галина приняла бы предназначенную ей участь. Однако он уклонялся от жесткого, но откровенного разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.